

Татьяна
Корсакова

ВЕДЬМИН КЛАД

ЛЮБОВНЫЙ АМУЛЕТ

Любовный амулет

Татьяна Корсакова

Ведьмин клад

«Автор»

2010

Корсакова Т. В.

Ведьмин клад / Т. В. Корсакова — «Автор», 2010 — (Любовный амулет)

Множество преданий связано с золотом, ведь оно издревле притягивает к себе человека, пробуждая в нем самые низкие чувства – жадность, жестокость и зависть. Одна из историй, что рассказывают друг другу люди, связана с могущественной ведьмой, хозяйкой золотых приисков в сибирской тайге. Говорят, она может не только щедро одарить, но и погубить в отместку за нанесенную когда-то обиду. Настя не искала золота. Она хотела лишь покоя и уединения, чтобы забыть об ужасном предательстве, которое ей удалось пережить. Не по своей воле оказалась она втянута в страшный водоворот, что закрутился вокруг заветного клада. И теперь главная задача для нее – просто выжить.

© Корсакова Т. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Татьяна Корсакова

Ведьмин клад

Демьян Субботин. Сибирь. XIX век

Еловая лапа больно хлестнула по лицу. Демьян чертыхнулся и тут же торопливо перекрестился. Вот же гадские места! Изживают из человека все божеское, оставляют только черную, в самую душу вгрызающуюся тоску да алчность, от которой спасения никакого нет.

Золото, золото! Уж как он уговаривал брата уехать, не оставаться в этой глуши, на приiske этом проклятом. Да разве ж Акима переупрямишь! «Погодь, брат, еще чуть-чуть – и явит нам Господь свою милость». Дурак, неужто не видит, что нету тут Бога и милости никакой нет, а кто есть, о том и думать страшно.

Ведьма! Как есть ведьма! Очи зеленые, что молодые еловые иголки, а волосы рыжие, как лисья шкура. И сама точно лиса – верткая, текучая. А смотрит так, что аж сердце занимается – бежать хочется куда глаза глядят, чтоб только подальше от этого мхом поросшего леса, от Лисьего ручья, прииска этого ненавистного, от нее – ведьмы...

Зима ноне выдалась ох какая лютая и снежная, даже старики таких холодов не помнили. По весне, как начал снег сходить, лес превратился в непролазное болото, а Лисий ручей – в реку такую, что без страху и не перейти. Валуны из воды торчат здоровенные, а поди ж ступи – склизко все, ненадежно, того и гляди в воду свалишься. Утонуть не утонешь – плавать он хорошо, с младенчества на Волге-матушке рос, – а вот хворь какую подхватить, как Аким давеча, – это запросто.

Аким удалью своей завсегда любил похвалиться. Да и не понапрасну: рослый, плечистый, лицом хорош. Не то что он, Демьян. Все, чего старшему с избытком судьбинника пожаловала, того младшему скупой рукой отмерила. Росточку невеликого, здоровья незавидного, да и рожка кривая – девка какая ежли и глянет, так сразу и отвернется. Или, и того хуже, пожалеет. А не нужно ему, Демьяну Субботину, жалости! И братова заступничества тоже не нужно! Он сам за себя постоять сумеет. Лучшие его с ножом ни один мужик на приiske управляться не умеет, даже охотники из местных. И страшатся его не за то, что он Акимов меньший брат, а за то, что лютый, ни страху, ни пощады не ведает. И девки страшатся, оттого, видать, неласковы. Одна только не боится совсем. Ведьма! Смотрит так, что все нутро аж выворачивает, с насмешкою смотрит. Лучшие б уж с жалостью, ей-богу...

Ведьма жила в лесу, аккурат за Лисьим ручьем, в избушке такой ветхой, что, сдается, дунь посильнее – и развалится. Однако ж не разваливается. Местные сказывают, что избушка та испокон веку тут стоит, и всегда такая вот кривая, в землю вросшая по самые окна. Так ведь и немудрено, мужиков здесь никогда не жаловали. Мужики этому бесовскому отродью только для одного надобны, чтобы род ведьмовской не пресекался. Ведьма, как в силу свою ведьмовскую войдет, сама себе мужика выбирает, и уж коли выберет, так не уйти несчастному от ее колдовских чар. Охмурит, окрутит, душу в полон заберет.

Уже забрала! Аким после встречи с ведьмой сам не свой стал. Старательское дело совсем забросил, все у Лисьего ручья пропадал у ведьмы этой. Демьян уже с ним и по-доброму, и по-плохому, да только не желал брат ничего слушать. Люблю, говорит, ее большие жизни. Оно и видно, что большие жизни. Вот уже второй день его лихоманка бьет. А все из-за нее, из-за ведьмы. Приворожила, навела морок. Да такой морок, что брат точно сам не свой сделался, совсем о страхе позабыл. Там, где на Лисьем ручье осторожнее нужно, с камня на камень с оглядкой переступать, он козликом молодым скакал – красовался. Допрыгался, свалился в воду. А вода в середине весны какая? А ледяная вода! Руку сунь – занемееет, а тут с головой окунулся. Вот и случилась лихоманка-то...

И ведь помочь Акиму никак не выходит. Никого, говорит, видеть не хочу, никакой другой помощи мне не нужно. Позовите, говорит, Устинью. Устинья знает, как меня спасти. Может, и знает, местные все к ней на Лисий ручей бегают: кому притирки, чтобы раны быстрее заживали, кому воду заговоренную от зубов, кому отвары всякие. Бабам в их бабских делах ведьма всегда первая помощница, рассказывают, зелье приворотное варит такое, что любого мужика приворожит. Может, и приворожит, Акима ж вон к себе крепко-накрепко привязала.

Вот и выходит: бабы за ведьму горой стоят, а мужики, те, что из местных, побаиваются, оттого и не трогает ее никто – от греха подальше. Кому ж охота, чтоб градом огород побил, вся скотина за одну ночь полегла или в мужеском организме слабость такая приключилась, от которой ты уже и не мужик вовсе?! Никому! Вот и живет это бесовское отродье, а честным людям жить не дает. Да что там – не дает! Над честными людьми ведьма потешается, глазюками своими зелеными зыркает, душу невинную завлекательными взглядами очерняет. У нее ж все для того устроено, чтоб честного человека с пути истинного столкнуть, чтоб в пучину уволочь, из которой уже спасения нет.

Его, Демьяна, ведьма тоже удумала приворожить. Может, даже и приворожила чуток. А то ж как по-другому объяснить, что после редких с нею встреч он сам не свой делался, и мысли в голову лезли богомерзкие, такие, что аж зубы сводило и по спине мороз, и не спится потом всю ночь.

После такой вот бессонной ночи он к Лисьему ручью однажды и наведалься. Один, без Акима. Зачем пошел, и сам не ведал. Видать, сильный морок ведьма на него навела, потому как, только ее увидел, сразу разуму лишился. А она ведь ждала его. Точно ждала! Это ж только на первый взгляд кажется, что девка белье в ручье стирает, а если призадуматься, так видно – ведьма специально приготовилась, сети раскинула. Волосы не в косу заплетены, а растрепаны, рыжей волной разметались по круглым плечам, кончики в воде полощутся. Медальончик, цапка железная, с тонкой шеи свешивается, покачивается туда-сюда промеж пышных грудей. Лицо разрумянилось, и улыбка на устах зазывная, а юбки подоткнуты так, чтобы ноги были видны.

Попался он тогда в бесовской силе, кинулся сзади на ведьму, что дикий зверь. Да только увернулась гадина, рыжей лисой юркнула под руку, остановилась поодаль и насмешиничает:

– Не тот ты мужик, Демьянка, которому я себя лапать позволю. Посмотреть можешь, за то денег не возьму, а пальцем тронуть не смей. Не про твою я честь.

Ох, как Демьян тогда разозлился! Даже любимый нож в кармане нашарил, потому как не привык он такие обиды никому спускать, особенно ведьмам. А она уже вроде как и не смеется, стоит подбоченившись, смотрит внимательно.

– Ты, – говорит, – Демьянка, Акима моего брат. Оттого я тебя сейчас с богом отпущу. Но лучше бы тебе дорогу к Лисьему ручью вообще забыть – не люблю я таких, как ты. Ох, не люблю. А теперь прочь иди, чего застыл колодой стоеросовой?!

И ведь послушался! Пошел, не оглядываясь, хоть между лопатками так и свербело оборотиться, еще раз заглянуть в зеленые лисьи глаза. Точно морок...

Морок не морок, а с тех пор затаил Демьян на ведьму лютую обиду. Не сказать, что виделись они часто: ведьма в деревне редко появлялась, а сам он к Лисьему ручью более не совался, хоть и тянуло страсть как сильно. Только вот, оказывается, не нужно Демьяну ведьму часто видеть, морок у нее такой, что каждую ночь она к нему сама во снах являлась, терзала тело и грешную душеньку муками сладострастными, не давала забыть.

Он и не забыл, все с силами собирался да ждал удобного случая. Вот случай-то и представился. Сначала жена одного из старателей родами померла. Два дня мучилась, горемычная, а как только ведьма порог дома переступила, так и преставилась. Потом Аким после ведьминых ласк в Лисьем ручье искупался и слег от лихоманки. А давеча Гордей Седов, самый

старший из их артели, вдруг от хвори бесовской помер. Ничего б в том дурного не было – мало ли народу на приiske помирает! – да вот только Гордей помер аккурат после того, как к ведьме сходил за притиркой от прострела. Натерся притиркой-то да тут же как заорет:

– Ой, братицы, горит! Ой, плохо мне, ой, чешется все!

А сам давай вертеться ужом да шкуру на спине в кровь раздирать. А шкура вся красными волдырями пошла, сначала на спине, а потом-то и по всему телу. Дальше Гордей вдруг за горло схватился, засипел, посинел и все – помер! Вот тогда-то Демьян в голос про ведьмины козни и заговорил. Местные бы ни в жисть не поверили, да старатели – народ не из пугливых, их байками про ведьмино проклятье не напугать.

Трое самых отчаянных решились с Демьяном идти к Лисьему ручью – ведьму проучить. Один – Микула – тот, чью женку с дитем неродившимся ведьма до могилы довела, больше всех ярился, грозился тварь мерзкую аки жабу болотную разодрать. Другой – Гришка Хромый, наипервейший Гордея Седова дружок, тоже на ведьму зуб имел, потому как чуть было той притиркой отравленной себе больное колено не натер, да, видать, уберег Господь, отвел беду. А третий – Ерофей – это уже его, Демьяна, товарищ, сказал, что хочет с ведьмы за Акимову лихоманку спросить, да только знал Демьян – Ерошке ведьма тоже покою не дает, во снах грезится и от дум богоугодных ох как далеко уводит.

Стало быть, четверо их к Лисьему ручью пошло. Вчетвером-то они уж как-нибудь с ведьмой управятся, спросят с этого бесовского племени по всей строгости.

Через ручей перебирались осторожно: никому не хотелось в ледяной воде искупаться. Особенно долго Гришку Хромого дожидаться пришлось, тяжело ему с его-то распухшей ногой по склизким камням скакать, а ведь не передумал, хрен колченогий, не забоялся. Ох, видать, и его ведьма за живое зацепила, не из-за Гордеевой кончины он так разошелся.

Ведьму в избушке они не нашли. Ушла, небось, по своим ведьмовским делам, даже дверь не закрыла – никого не боится, бесовское отродье. Да и кто ж осмелится в ее доме хозяйничать! Местные точно не осмелятся.

А в избушке чистенько: прибрано все, травами сушеными пахнет и еще чем-то вкусным. В красном углу икона. Вот ведь паскуда, даже лика Господнего не убоялась, так и творит пред его светлыми очами свои непотребства.

– Ну что, дожидаться станем? – Ерошка завалился на ведьмину кровать, закинул руки за голову и глаза прикрыл, а на морде ухмылка такая, что сразу видать, о чем помышляет, аспид.

– Так обождем, коль уж пришли, – Микула присел на тяжелую колоду, которая ведьме замест табурету, обвел недобрым взглядом сначала болтающиеся под потолком пучки сушеного зелья, потом красный угол с иконой. Видать, о том же подумал, что и Демьян, потому как нахмурился еще больше.

– А и обождем! Что ж не обождают! – Гришка сучковатой палкой, которая ему замест посоху, ткнул Ерошку в бок. – А ну, подвинься, дай старому человеку присесть.

Ерошка зашипел сквозь стиснутые зубы, но упрямиться не стал. Гришка даром что хромой, а как до драки дойдет, так ему с его посохом еще поди равного сыщи. Минцлой весной казака одного залетного так оприходовал, что никакие притирки не помогли – отдал казак богу душу.

Не хотелось Демьяну ведьму в ее избушке дожидаться, снаружи, у ручья, оно как-то сподручнее серьезные разговоры разговаривать, да ведь с этими не поспоришь. Ох, лучше б он один пошел или с Микулой...

Они еще и осмотреться толком не успели, как дверца тихо скрипнула. Демьян, который ближе всех к порогу стоял, крутнулся вокруг себя, ножик свой любимый из кармана выхватил. А ведьме хоть бы что! Стоит себе, глазищами зелеными зыркает, а косы рыжие такие

длиннющие, что аж пол метут. Вот бы ее за эти косы... Как подумалось про то, так сразу жарко стало, даже ногам, в Лисьем ручье замоченным.

– С Акимом что-то? – спросила и прямо в душу Демьянову заглянула глазюками своими колдовскими.

С Акимом?.. Да что ж это такое?! На него смотрит, а все едино про Акима думает.

– И с Акимом, и с Гордеем, и с Марьюшкой моей... – Микула тяжело поднялся с колоды, шагнул к ведьме. – Ты помнишь Марьюшку?

– Поздно ты меня кликнул, добрый человек. – Ведьма вошла в избушку, кинула недобрый взгляд на развалившегося поперек кровати Ерошку, коротко кивнула Гришке Хромому. – Я уже ничем помочь не сумела, ребеночек неправильно шел.

– А Гордей? – Гришка ловко, невзирая на свою хромоту, вскочил на ноги, угрожающе взмахнул посохом. – Гордея пошто загубила, гадина лесная?! Это ж в каких муках адовых человек помирал от притирки твоей!

– В муках помирал? – Ведьма удивленно выгнула бровь. – Ничего не разумею. Хорошая притирка, третьего дня сваренная. Завсегда от прострела помогала.

– Вот и Гордею помогла... на тот свет уйти, – Демьян захлопнул дверь да спиной к ней прижался для надежности, чтобы ведьма уже точно никуда от них не делася. – А Акима после твоих ласк лихоманка который день бьет, он уже меня, брата родного, не узнает.

– Так что ж меня не позвали?! – Ведьма сердито притопнула ногой. – У меня средство есть от жара...

– Знаем мы твои средства, – Ерошка одним прыжком очутился позади ведьмы, поймал за косу, намотал на кулак. Так и есть, брехал, сучий потрох, что из-за Акима к Лисьему ручью пошел. Из-за ведьмы пошел. Оттого и в глазах его сейчас черти пляшут. Точно, морок. Приворожила Ерошку, как и его, Демьяна, присушила...

– Пусти!

А ведьма, кажись, и не испугалась совсем, только плечом повела так, что расшитая рубаха вниз поползла. Сразу шея стала видна и цацка эта ее железная. Честная баба крест нательный носит, а у этой вона что... Демьян отлепился от двери, шагнул к ведьме, рука сама потянулась к медальону. А ведь красивая цацка-то, необычная. И не железная вовсе, а из черненого серебра. Кажись, дутая, потому как хоть и немалого размеру, а легкая совсем.

– Не трожь! – А в глазах ведьмовских зеленый огонь все ярче разгорается. – Не трожь, сказала!

– Люба тебе вещица-то? – Видно же, что любя! Может, необычная цацка, колдовская?..

– Акиму еще не поздно помочь. Я зелье одно знаю... – А ведь боится ведьма! Ерошку с его лапищами загребущими не побоялась, а за цацку эту вишь как трясется.

– А не надо Акиму твоей помощи! Коли Богу угодно душеньку его к себе забрать, так тому и противиться грешно.

– Ага, грешно. – Ерошка, дурья башка, на медальон даже и не посмотрел, рванул ворот ведьминой рубахи так, что все, от чужих глаз скрытое, сразу видно стало. У Демьяна аж дух занялся от красоты такой нечеловеческой. Точно, что нечеловеческой. Не может нормальная баба так на мужское естество влиять, чтобы тот про все на свете забывал и об одном только думать мог.

– Итит твою мать! – Гришка уже тут как тут, черт хромой, смотрит на ведьмино тело во все глаза, слюни пускает, а того не видит, что ведьма не просто так стоит, чтоб они ее бабыми прелестями любовались. В глазницах зеленых занимается пламя, такое, что не унять, а губы что-то шепчут. Заклятье, наверное, какое-то богомерзкое. И ладонью цацку свою накрыла, как будто защитить ее хочет. А по ногам уже тянет зимней стужей, и в хребет точно вгрызается кто-то зубьями острыми – колдовство...

Демьян попятился, глянул на Ерошку – и сам себе не поверил: дружок закадычный словно сам не свой, стоит, зенки выпучил, по бороде слюни текут, а тело как в лихоманке трясется. Знать, достало его ведьмино заклятье. Это ж, того и гляди, и его, Демьяна, достанет... А все от нее, от цацки этой, что у ведьмы на шее болтается, потому как светится цацка-то светом холодным, точно лунным, и свет этот сквозь ведьмины пальцы пробивается и глаза слепит так, что мочи нет смотреть. Вот, знать, в чем сила ведьмовская, в медальончике...

Тихий шепот перешел в крик, и ноги уже подкашивались, когда Демьян снова шагнул к ведьме, сдернул с тонкой шеи сатанинскую цацку. Руку будто огнем опалило, зато свет, тот, что глаз открыть не давал, сразу померк, а ведьмин крик сорвался ну точно в звериный вой. От воя того у Демьяна даже борода дыбом стала, так перепугался. Может, и убег бы, если б не Гришка. Хромый мужиком оказался лихим и сноровистым, двинул легонько ведьму под дых своим посохом, та и осела. Если б не Ерошка, который ее так за волосы и держал, точно упала б. Но не упала, откинулася назад, обмякла. И вдруг понял Демьян, что морок-то прошел. Нет больше ведьмы, которой вся пришковая братия страшилась, а есть баба красивая да ничейная. Аким далеко, да и не жилец он более, от такой-то лихоманки...

То, что Демьян только подумал, Гришка Хромой вслух сказал:

– А что это мы, братцы, тута на нее смотрим. Мы ж, того-этого, не за тем, чтобы посмотреть, сюда пришли, мы ж ведьму проучить собирались. А ну-ка, давайте это отродье бесовское на кровать тащите!

Сказал, да портки свои и скинул...

...Никто не устоял, даже Микула, который еще утром по женке своей убивался. Уж больно сочной бабой ведьма-то оказалась. А может, морок еще до конца не развеялся? Точно не развеялся! Если б развеялся, то они б перво-наперво подумали, что с ними в деревне сделают за такое-то, за ведьму ж все местные горой...

– ...А ведь, братцы, она молчать не станет, – Гришка Хромой ткнул ведьму посохом. Видать, больно ткнул, потому как застонала. Раньше-то не стонала, лежала с закрытыми глазами. Может, в беспамятстве была, а может, еще чего, кто ж ее бесовскую душу разберет.

– Не станет, – Ерошка растерянно огладил реденькую бороденку. – Что делать-то станем, братцы?

– Так знамо что, – Гришка пристукнул посохом, – ежели ведьму зашибить, так это дело богоугодное.

– Придушить лучше. – Демьян помял в ладони кончик рыжей косы, как мечталось, намотал на кулак. – Коли придушим, кровящи не будет и шуму меньше. И веревка, опять же, не понадобится...

...Кто ж ведал, что ведьму убивать так тяжело будет. Хоть бы она глаза закрыла. Так ведь не закрыла! Смотрела прямо в душу, о пощаде не молила, только шептала что-то непонятное. Может, колдовала напоследок...

Тело они в Лисий ручей сбросили. Вот и все! Косы золотыми змеями мелькнули в воде, и поминай, как звали, бесовское отродье. И никто их ни в чем не укорит, особенно ежели сами лишнего болтать не станут. Гришка Хромой точно не проболтается, это пень старый хитрющий, во вред себе ничего не сделает. Ерошка тоже будет язык за зубами держать, потому как трусоват, а за ведьмину смерть можно и головы лишиться. Местные-то хоть и смиренные, но в гневе люты. Главное, теперь смотреть, чтоб Ерошка лишнего не выпил. От чарки у него завсегда язык развязывается. Хуже всего с Микулой, он после того случая сам не свой сделался. Все больше отмалчивается, думает о чем-то, а о чем – не рассказывает. В церковь повадился, с попом подолгу о чем-то разговаривает. Хоть бы не проболтался. За Микулой надо будет особенно внимательно следить...

* * *

Как же холодно!

Настя поежилась, на все пуговицы застегнула телогрейку, с брезгливостью посмотрела на сидящую на кадушке с квашеной капустой жабу. В неровном свете керосиновой лампы жабыя кожа отсвечивала черным и мерзко поблескивала. Настя перевела взгляд на клеть с прошлогодней картошкой. Сколько ее здесь, мешков пять-шесть? Это же работа до глубокой ночи! Ну что бы случилось, если бы она перебрала эту чертову, прости, Господи, картошку завтра с утра?! Но с матушкой Василисой бесполезно спорить. «Настасья, завтра по росе пойдем траву косить, а картошку нужно перебрать сегодня».

Вот так: по росе траву косить, а до глубокой ночи возиться с гнилой картошкой в этом мрачном, сочащемся сыростью и холодом погребе.

Нет, она не роптала, ей к командам не привыкать, но как же холодно! Хорошо еще, что сестра Агния, узнав, куда посылает Настю матушка Василиса, посоветовала одеться потеплее и даже одолжила свои резиновые сапоги. За сапоги отдельное спасибо, потому что в погребе ух как зябко, да и вода прямо по стенам сбегает. А картошка гниет! Кто ж хранит овощи в таком ужасном месте?!

Настя поставила керосинку на кадушку рядом с жабой. Жаба возмущенно квакнула, прыгнула на земляной пол, посидела пару секунд в раздумьях, а потом ускакала в дальний темный угол.

Все, хватит прохлаждаться! Настя присела на корточки перед клетью с картошкой. Эх, тяжело будет вот так, на корточках. Принести бы сверху деревянную скамеечку, на которую усаживается сестра София, когда доит корову Зорьку, но матушка Василиса не разрешит. «Анастасия, томление тела укрепляет дух».

Ну что ж, укрепляет так укрепляет, можно потерпеть и без скамеечки. Да вот только ее духу больше нужно не укрепление, а успокоение, а матушка Василиса об этом и думать не желает. «И в трудах тяжких обретишь благодать».

Настя была не против труда, и даже тяжелого, но не здесь, в похожем на средневековый застенок погребе, а наверху, там, где светло и воздух пахнет хвоей и луговыми травами, а не перебродившей квашеной капустой и плесенью.

В детстве в их дружной маленькой компании ходила легенда про «фосфорные гнилушки», которые, по словам Сашки, водились только в их речке. Однажды они даже специально совершили вылазку к речке, наковыряли из прибрежного ила с десятков осклизлых, противных на ощупь гнилушек, бережно сложили в пол-литровую банку, принесли к Насе домой. Сашка сказал, что, для того чтобы «фосфорные гнилушки» засветились, нужна темнота, и они, все втроем – Сашка, Настя и ее двоюродная сестра Юлька – заперлись в сарае.

Настя очень хорошо помнила свои тогдашние чувства: жгучую смесь страха, любопытства и ожидания чуда. Но чудо не случилось – речные гнилушки так и не засветились, и на место всех этих чувств пришло горькое разочарование. Но упрямый Сашка не желал сдаваться, он сказал, что кое-что забыл, что «фосфорные гнилушки» светятся только ночью и только в речной воде. И они с Юлькой сразу ему поверили, потому что Сашка был старше их аж на полгода. Они бы поверили ему и на слово, так велик был его авторитет, но Сашке требовалась полная реабилитация. Он заявил, что экспедицию к реке нужно повторить, только на сей раз уже под покровом ночи.

Это было настоящее приключение: страшное и очень рискованное. Сашка единолично постановил, что ночь начинается в половине одиннадцатого, и заявил, что если Настя с Юлькой не сдрейфят, то он будет ждать их у старой яблони в школьном саду. Юлька, конечно же, отказалась, сослалась на то, что родители ни за что не выпустят ее на улицу так поздно. А кого

ж выпустят?! На то оно и приключение, чтобы перед важным открытием совершить самый настоящий побег. Настя согласилась, не раздумывая. Во-первых, потому что не желала прослыть трусихой, а во-вторых, Сашка нравился ей уже тогда и, чтобы побыть с ним вдвоем, она готова была пойти на край света, а не только к какой-то там речке.

Сашка ее отвагу оценил, даже похвалил за изобретательность: чтобы не попасться на глаза родителям, она выбралась через окно. Это было несложно, старый барак, в котором они в то время жили, почти по самые ставни врос в землю, так что прыгать было невысоко.

До речки они шли, взявшись за руки. И Настя мигом забыла обо всех своих страхах. Это ж так по-взрослому – идти на приключение рука об руку, да еще в кромешной темноте. А на месте их ждало маленькое чудо: в черной воде зелеными светляками горели сразу две «фосфорные гнилушки». Сашка не соврал.

Домой они вернулись уже самой настоящей ночью и безмерно удивились царящему на их тихой улочке оживлению. Почти в каждом доме горел свет, лаяли собаки, и от двора ко двору с охотничьим ружьем в руках метался Настин папа. А где-то возле Сашкиного дома слышался громкий рев и причитания.

Оказалось, что их побег не остался незамеченным. Настина мама зашла в ее комнату посмотреть, как там дочка, и обнаружила пропажу родной кровиночки и распахнутое настежь окно. Тут же поднялся гвалт и переполох, родители бросились искать чадо по соседям. Вот тогда-то и обнаружилось отсутствие Сашки. К моменту их возвращения мамы как раз вели допрос Юльки. Это именно ее рев оглашал округу.

Сашка, с ходу смекнув, что творится на улице, предложил под шумок разбежаться по домам, а потом сказать, что вовсе они никуда не ходили, а просто проверяли, как там котята, которых недавно родила ничейная кошка Мурка. Котята жили в поленнице дров возле Сашкиной бани, а баня стояла как раз на отшибе. На тот момент план казался гениальным: получалось, что они вроде как и не выходили за ворота, а это уже не побег, а мелкая провинность. Жаль только, что осуществить его им так и не удалось. Их заметила соседка, тетя Клава, и заорала так громко, что все остальные звуки потонули в ее злорадном «Нашлись, ироды!». Вокруг Сашки и Насти тут же сомкнулась толпа. Настя и глазом моргнуть не успела, как в отцовских руках вместо ружья оказался ремень.

Порка была публичной и от этого вдвойне унижительной. Сначала Настя старалась быть гордой, не кричать и не плакать, но, услышав отчаянные вопли Сашки, которого его мамка охаживала полотенцем, дала себе волю, наоралась от души.

Честно сказать, лупили их недолго, и почти сразу же из крепких отцовских объятий Настя попала в нежные мамины. Мама ругалась и плакала, называла ее маленькой негодницей и сердито поглядывала на отца, который дрожащими от волнения руками пытался приладить ремень обратно к штанам.

В общем, приключение получилось что надо. Про них даже написали заметку в местной газете, и на целую неделю Настя и Сашка стали героями школы. Немного удручало только одно – «фосфорные гнилушки» в неволе отказывались светиться, и долгое время им никто не верил, пока однажды учитель биологии не разрешил эту загадку. Оказалось, что светятся не сами гнилушки, а особый вид плесени, который водится в речке.

Вот и сейчас, всматриваясь в слизкие стены погреба, Настя гадала – а что будет, если загасить керосинку? Засветится погреб фосфоресцирующим зеленым светом или нет?

Глупые мысли, глупые и мирские. Не о том паломнице Анастасии Родионовой потребно думать. Ей бы думать о благодати, которая, по словам матушки Василисы, снизойдет на ее грешную голову, когда она переберет всю прошлогоднюю картошку.

* * *

С матушкой Василисой, негласной хозяйкой Глубокского подворья Свято-Никольского женского монастыря, отношения у Насти не заладились с первой же минуты. Настя знала, что жизнь в скиту не сахар, и морально была готова к тяжелому, каждодневному труду, к любым тяготам и лишениям. Единственное, к чему она оказалась не готова – это к такому приему.

Нет, настоятельница монастыря, матушка Анисия, приняла Настю как дочь родную, разговаривала с ней два часа кряду, но на просьбу оставить при монастыре кандидаткой в послушницы неожиданно ответила отказом. «Я беру в монастырь не тех, кто не хочет жить с людьми, а тех, кто не может жить без Бога».

От этих слов Настя, давно привыкшая к ударам судьбы, вдруг неожиданно для самой себя расплакалась. Вот и все, вот и рухнула ее последняя надежда. А отец Василий, которого она считала своим духовным наставником, говорил, что настоятельница Анисия – добрейший человек и ни за что не оставит в беде заблудшую душу...

– Ладно, девочка, не плачь, – матушка Анисия решительно встала с высокого неудобного стула, подошла к распахнутому настежь окну, постояла в раздумьях минуту-другую, а потом снова заговорила: – Знаю я, какой лекарь тебе нужен. Сегодня переночуешь в монастыре, отдохнешь с дороги, а завтра рано утром – в путь.

Настя тогда так обрадовалась, что не спросила ни о каком лекаре идет речь, ни о том, куда ей завтра придется ехать. Да хоть на край света! Главное, что ее не прогнали, дали еще один шанс.

На рассвете она проснулась от тихого стука, спрыгнула с привычно твердого ложа, распахнула дверь. На пороге стояла послушница, совсем еще девочка, она смотрела на Настю доброжелательно и самую малость любопытно.

– Матушка Анисия просила передать, что ждет вас во дворе сразу после заутрени, – сказала она скороговоркой и бросила неодобрительный взгляд на висящие на спинке кровати Настины джинсы.

– Спасибо. – По полу тянуло холодом, и Насте не терпелось поскорее обуться. Она с детства не любила холод.

Девочка-послушница наконец перестала таращиться на ее джинсы, поклонилась со сдержанным достоинством и поспешила прочь. Настя послушала, как затухает в длинном коридоре гулкое эхо шагов, принялась одеваться.

Отстояв с насельницами монастыря заутреню и наскоро перекусив в столовой овсяной кашей, она выбежала во двор. На дворе, несмотря на ранний час, уже вовсю кипела работа. Две послушницы выметали и без того идеально чистую дорожку. Молодая монахиня грендерского телосложения с деловитой сосредоточенностью колола дрова. Еще две сестры селились к хозяйственным постройкам с огромной и, судя по всему, доверху чем-то наполненной алюминиевой кастрюлей. За ними, нетерпеливо поскуливая и то и дело забегая наперед, трусила лохматая дворняга. Перед запертыми на засов массивными воротами стоял старенький добитый «уазик». Рядом, опершись поясницей о капот, флегматично жевала былинку болезненно худая монахиня с вытянутым, невыразительным лицом. Завидев Настю, монахиня приветственно помахала рукой, лицо ее при этом по-прежнему ничего не выражало.

– Доброго утрачка! – Она скользнула равнодушным взглядом по Настиной экипировке – джинсам, ботинкам на высокой шнуровке и выдавшей виды китайской ветровке. – Ты, что ли, в Глубокский скит собралась?

Настя слыхом не слыхивала ни о каком ските, но на всякий случай согласно кивнула.

– Значит, сестре Василисе прибавится хлопот, – задумчиво сказала монахиня. – Давненько у нас на подворье паломниц не было, матушка настоятельница доселе покой стариц строго блюла. Меня сестрой Матреной звать, а тебя как?

– Анастасией, – Настя нетерпеливо осмотрелась по сторонам, спросила: – А когда мы поедем?

– Вот дождемся благословения матушки-настоятельницы и сразу тронемся. Путь-то неблизкий, а мне еще нужно засветло обратно вернуться.

Во двор вышла матушка Анисия, острым взглядом обвела вверенные ей владения, направилась к «уазику». Сестра Матрена, а за ней и Настя уважительно поклонились.

– Ну как, сестра, – настоятельница похлопала машину по пыльному боку, – готов наш железный конь?

– Готов. А что ж ему не быть готовым?! Я ж ему, родимому, вчера свечи поменяла, он сейчас как новенький, матушка.

– Надолго ли?

– Ну, – сестра Матрена развела руками, – сие только Богу ведомо, но все, что в моих скромных силах, я сделала.

– Мэр обещал нам грузовик пожертвовать, – в раздумье сказала настоятельница, – надо бы напомнить.

– Так и напомните, матушка! – оживилась монахиня. – Нам свой грузовик ой как нужен! Мы бы с ним так развернулись! Да я бы...

– Сестра Матрена, – сказала настоятельница с мягким укором и перевела взгляд на Настю: – Ну, как спалось на новом месте?

– Спасибо, замечательно.

– Да, в стенах нашего монастыря на людей сходит особая благодать, бессонницу как рукой снимает. Это еще моя предшественница, матушка Марфа, подметила, – настоятельница грустно улыбнулась. – И на Глубоком подворье та же благодать и умиротворение. Завидую я тебе, Анастасия. Благословенное то место, я сама там, еще будучи послушницей, жила. Тишина, уединение и места чудесные – все, что особенно благоприятствует просветлению и очищению души. Поживешь пока с сестрами, пообвыкнешься, благодатью тех мест напитаться, а там посмотрим: либо утвердишься окончательно в своем решении, либо какой иной путь выберешь. Ты, главное, Анастасия, не спеши, время у тебя на раздумья есть.

– Спасибо вам большое, – Настя снова едва не расплакалась.

– О том и забота моя, чтобы заблудшие души вернуть в лоно Его, – настоятельница подняла глаза к затянутому рассветной дымкой небу, потом, точно вспомнив о чем-то, хлопнула в ладоши, сказала нетерпеливо: – Ну, с богом! Путь вам предстоит неблизкий, пора уж.

Дождавшись, когда матушка Анисия осенит их крестом, сестра Матрена проворно усеялась за руль, приняла из рук настоятельницы запечатанный конверт для сестры Василисы.

...С раздражающим дребезжанием «уазик» вот уже пятый час полз по развороченному, точно после бомбежки, проселку. Настя ерзала на чудовищно неудобном сиденье и от нечего делать изучала окрестности. За последние два часа пейзаж за окном «уазика» изменился: проселок все дальше и дальше углублялся в тайгу. Где ж это подворье находится? Неужели в такой глуши?!

– Далеко еще? – не вытерпела она.

– Да нет, уже скоро, – ответила сестра Матрена, не отрывая взгляда от дороги. – Через двадцать минут Глубокое, а там и до скита рукой подать.

– А Глубокое – это поселок такой? – спросила Настя.

– Ну, поселок – это сильно сказано. Три хаты, пять стариков.

– А в скиту сколько сестер живет?

– Четыре. Матушка Василиса, она за старшую, сестры Агния, Таисия и София. Да ты не спеши, скоро сама все увидишь.

Настя кивнула. Да, она подождет.

* * *

Глубокое и в самом деле назвать поселком нельзя было даже с очень большой натяжкой. Три покосившиеся избышки под замшелыми крышами, маленькие огородики с аккуратными грядками. Остов «Запорожца», ржавеющий на обочине, был, пожалуй, единственным доказательством того, что цивилизация когда-то заглядывала и в этот медвежий угол.

На звук мотора сбежалось все население Глубокого. Хотя если уж по правде, то не сбежалось, а приковыляло. Три древние бабушки и два не менее древних старичка смотрели на них с детским любопытством.

Сестра Матрена заглушила двигатель, поклонилась селянам, бросила Насте:

– А ну-ка, помоги мне! Матушка настоятельница велела старикам гостинцев передать.

С заднего сиденья «уазика» она достала куль сахара, мешок муки, какие-то крупы и собственно сам гостинец – большой пакет развесного печенья и пакет поменьше с карамельками.

Пока они выгружали подарки, жители села Глубокое уважительно стояли в сторонке, о чем-то переговаривались вполголоса.

– Давненько вы нас не навещали, сестра Матрена. – Вперед выступил сухонький сгорбленный старичок.

– Так в вашу глухомань не наездишься, Митрофан Григорьевич, – монахиня развела руками.

Старички согласно закивали.

– Вот матушка Анисия кланяться велела, гостинцы вам передала.

– Так и вы ей кланяйтесь. Пусть помолится за души наши грешные, – Митрофан Григорьевич торопливо перекрестился, и все его односельчане перекрестились следом.

– Как у скитниц-то, все спокойно? – поинтересовалась сестра Матрена.

– Так, кажись, все по-прежнему. Матушка Василиса к нам на прошлой неделе навещала, меду приносила.

– А коммунары как?

– А что коммунары? Они ж от нас, почитай, за десять верст живут. Не слышно их и не видно, слава тебе, Господи. А вы, матушка, в наши края по делу али как? – старичок степенно огладил сивую бороду.

– По делу, Митрофан Григорьевич. Вот паломницу в скит везу, – сестра Матрена указала на Настю.

– Такая молоденькая, – ахнула одна из бабушек и снова перекрестилась.

– Будет наконец святым старицам помощница, – Митрофан Григорьевич задумчиво покивал головой. – Сестра Агния-то совсем слаба стала. Видать, Господь ее скоро приберет.

– На все воля Его, – монахиня перекрестилась, нетерпеливо посмотрела на часы. – Пора нам, уважаемые.

Старички, все как один, закивали, на всякий случай отошли подальше от «уазика».

– А кто такие коммунары? – спросила Настя, когда поселок был уже далеко позади.

– Коммунары? Коммунары – это наш крест. Какой-то приезжий, поговаривают, что из самой Москвы, отстроил деревеньку, вот такую же, как Глубокое, и заселил ее своими воспитанниками. Трудными подростками, наркоманами, теми, кто только из тюрьмы вышел и пытается на путь истинный вернуться. Оно вроде как и дело благородное, вот только у матушки Анисии сомнения имеются. Говорят, порядки в той коммуне армейские, а еще юноши и

девушки живут вместе, одним хозяйством, – монахиня нервно передернула худыми плечами. – Говорят, что безобразничают они, в окрестных селах воровством промышляют.

– Так, может, надо с их руководителем поговорить?

– Матушка-настоятельница как услышала про эти непотребства, сама по осени в коммуны ездила. Да только ничего не вышло у нее. Руководитель коммуны с порога ей заявил, что он атеист, не верит ни в Бога, ни в дьявола, – сестра Матрена испуганно перекрестилась, – а верит только в какую-то методику. Единственное – пообещал придержать своих воспитанников, чтобы местным жителям не досаждали. Ну, вот мы и на месте! – сказала она без всякого перехода и нажала на педаль тормоза.

«Уазик» кашлянул и замер у покосившихся деревянных ворот. Настя выбралась из машины, заглянула в приоткрытую створку.

Подворье было совсем маленьким. Бревенчатая изба с резными, выкрашенными в зеленый цвет ставнями. Сарай, размерами не меньшими, а то и большими, чем изба. Аккуратная поленница дров под деревянным навесом. Чисто выметенный земляной двор. Мохнатый черный пес, отреагировавший на появление чужаков лишь ленивым взмахом хвоста. С десятков полусонных кур. Все это хозяйство огорожено почерневшим от времени дощатым забором.

Пока Настя рассматривала подворье, на крыльцо вышла невысокая пожилая монахиня. Завидев вновь прибывших, она радостно всплеснула руками, семенящей походкой приблизилась к воротам, распахнула их настежь, сказала неожиданно низким для ее тщедушной комплекции голосом:

– Сестра Матрена, а мы и не чаяли! Матушка-настоятельница говорила, чтобы до середины лета гостей не ждали, а тут радость-то какая!

– Доброго здоровьечка, сестра София, – Матрена почтительно поклонилась. – А я вот по велению матушки Анисии паломницу привезла.

– Паломницу?! – монахиня с интересом посмотрела на Настю.

– Здравствуйте, – следуя примеру сестры Матрены, Настя тоже поклонилась.

– И тебе доброго здравия. Как звать-то тебя?

– Анастасия.

– Анастасия, значит, – сестра София задумчиво покачала головой. – А к нам, выходит, паломницей?

Настя кивнула.

– А остальные сестры где? Где матушка Василиса? – деликатно кашлянув, поинтересовалась Матрена.

– Сестра Агния в доме. Нездоровится ей в последнее время, совсем слабая стала, не ест ничего, – монахиня вздохнула, чуток помолчала, а потом сказала: – Да что это мы во дворе стоим? Вы, небось, устали с дороги? Так у меня и обед уже готов: щи и перловая каша.

– Да и мы не с пустыми руками, – улыбнулась сестра Матрена. – Настасья, помоги-ка мне гостинцы выгрузить. Вам тут кое-что матушка Анисия с оказией передала и кланяться велела. А еще керосину, как вы и просили, – она вытащила из-под сиденья пластиковую канистру.

– Ой, спаси вас Господь! – Монахиня перекрестилась. – Вот сестра Таисия-то обрадуется! Она теперь святые образа по ночам вышивает, говорит, что ночью на нее особая благодать нисходит. А я думаю, что это все от бессонницы.

Настя огляделась по сторонам в поисках линии электропередачи. Разговор о керосине породил в душе смутные подозрения.

– А электричества у вас нет? – спросила она, уже заранее зная ответ.

– Ой, милая моя, так отродясь не было. Да и кто ж сюда станет-то электричество тянуть? Керосином обходимся. А когда керосину нет, так по старинке, лучинкой.

Настя украдкой вздохнула. Значит, лучинкой по старинке, а керосин здесь, оказывается, последнее слово прогресса. Ох ты, Господи...

Вдруг спокойно лежавший до этого пес встрепенулся, радостно заскулил, завилял хвостом, загремел проржавевшей цепью.

– Что, Шарик, матушку Василису почуял? – монахиня ласково потрепала пса по загривку. – Значит, они с сестрой Таисией скоро будут, Шарик никогда не ошибается.

Не успела она договорить, как в ворота, одна за другой, вошли две монахини. Первая – с худым, строгим лицом, крючковатым носом и густыми бровями, поставила на землю плетеную корзинку, поморщилась, потерла поясницу и только потом заговорила:

– Сестра Матрена? А что раньше времени пожаловала? Да еще и девицу какую-то с собой привезла. – Голос у нее был неприятный, скрипучий, а от хмурого взгляда, которым она одарила Настю, по спине у той поползли мурашки.

Сестра Матрена вытянулась по струнке, как солдат на плацу, сказала с плохо скрываемым подобострастием:

– Бог в помощь, матушка Василиса, – она низко поклонилась, намного ниже, чем все предыдущие разы, незаметно дернула Настю за рукав, принуждая и ее поклониться. – А я по благословению матушки-настоятельницы. Продуктов вам привезла, керосину и вот... паломницу.

– Паломницу?! – Острый, недобрый взгляд снова впился в Настю.

– Вот и послание сопроводительное от матушки Анисии имеется, – сестра Матрена протянула противной старухе письмо.

Та нетерпеливым движением вскрыла конверт, принялась читать. Пока читала, Настя успела рассмотреть ее спутницу, полную, краснощекую монахиню, нетерпеливо обмахивающуюся пучком какой-то травы. Надо думать, что это сестра Таисия, любительница ночных бдений и вышивки. Вот она почти со всеми и познакомилась, осталась только сестра Агния, которая болеет и, по словам Митрофана Григорьевича, скоро отдаст богу душу...

– Значит, паломницей в наш скит? – матушка Василиса сердито смяла письмо. – А чего ж к нам? Может, лучше бы вон к коммунарам? Там таким, как ты, самое место.

– Матушка Василиса! – испуганно ахнула сестра Матрена.

– Я уже сколько лет матушка Василиса! И ни разу в это святое место не присылали такую, как она! – Крючковатый палец уперся Нате в грудь.

– Но матушка-настоятельница хотела...

– Я знаю, что хочет матушка-настоятельница! – старуха нетерпеливо отмахнулась от сестры Матрены.

– ...И сказал Господь: «И грядущего ко мне не изжену вон». – Послышался вдруг слабый голос.

Все разом обернулись. На крыльце стояла болезненно худая монахиня с пергаментно-желтой кожей и огромными, в пол-лица глазами. Видно было, что стоять ей тяжело, чтобы не упасть, она придерживалась за дверь.

– Сестра Агния! – всплеснула руками толстуха и неожиданно резво для своей комплекции взобралась на крыльцо, чтобы поддержать монахиню под локоть.

– Сестра Агния, не вмешивайся! – Матушка Василиса сердито топнула ногой. – Это место не для таких...

– Не ты хозяйка этого места, а Он, – сестра Агния подняла глаза к небу.

– Да и лишние руки нам не мешают, – поддакнула молчавшая до этого сестра София. – Сенокос на носу, огород, опять же.

– Неразумные! – Старуха полоснула Настю недобрый взглядом и, не говоря больше ни слова, прошла в дом.

* * *

Вот так и началась новая жизнь паломницы Анастасии Родионовой. В скиту ее оставили большинством голосов, но против воли главной его насельницы. А матушка Василиса задалась целью жизнь эту, и без того нелегкую, превратить в ад.

Настя тактику старухи понимала. Она ведь всего лишь паломница, а не послушница, и даже не кандидатка в послушницы, силой ее в скиту никто удерживать не станет. Не понравилось? Работа тяжелая, молитвы бесконечные, подъем с первыми петухами? Так вон бог, а вон порог! Вернешься, когда в вере своей укрепишься и все мирское из себя вытравишь.

Все так: и тяжело с непривычки, и спать все время хочется, и на руках кровавые мозоли, и спина невыносимо ноет после дня, проведенного за прополкой огорода, и до сих пор втайне мечтается о горячей ванне, а не о торопливых омовениях в пронзительно холодном ручье, и чаю хочется настоящего, черного, а не из непонятных травок, которые собирает сестра София, и ночью хочется просто выспаться, а не вздрагивать от страдальческих стонов сестры Агнии и раскатистого храпа сестры Таисии. Все так, да вот только не на ту попали!

За последние четыре года своей жизни Настя видела вещи и похуже, так что нелегким бытом ее не напугать. Ей просто надо привыкнуть. Вот, к примеру, пчелы – боишься ты их, не боишься, а с матушкой Василисой не поспоришь. Велено помогать сестре Софии на пасеке – и будешь помогать, не обращая внимания на опухшие от пчелиных укусов пальцы. А из средств защиты никакой тебе спецодежды, никаких перчаток и шляпы с сеткой, только старый дымарь, дым от которого пчелам нипочем, а вот глаза моментально начинают слезиться. А сестре Софии Настины мучения непонятны, она может голыми руками рой снимать, и ни одна пчела ее при том не укусит. Чудеса! Хотя сама сестра София говорит, что нет в этом никакого чуда, просто пчелы должны к Насе привыкнуть, как привык пес Шарик, корова Зорька и два здоровенных безымянных борова. Сравнила умнейшего Шарика с безмозглыми насекомыми...

А может, и есть в этом какой-то смысл? Как ни крути, а последнее время пчелы Настю стали кусать намного реже, чем раньше. Привыкают?

Сегодня у сестры Софии случилась беда, кто-то разорил ульи, посбрасывал крышки, унес соты. Сестра Таисия предположила, что это медведь, и от предположения этого Насе как-то сразу стало не по себе. Но у сестры Софии на подозрении были другие злодеи – коммунары. Тем более что и следы вокруг развороченных ульев остались отнюдь не звериные, а очень даже человеческие: смятая пачка из-под сигарет и пустая водочная бутылка. Она прямо сегодня собиралась идти к коммунарам разбираться, но матушка Василиса не отпустила.

– Завтра, – сказала, как отрезала. – Скоро ночь наступит. Куда ты по лесу ночью?

– Так с божьей помощью, – сестра София не спешила сдаваться, рвалась в бой.

– С божьей помощью, – фыркнула матушка Василиса. – Вот медведь тебя ночью в лесу задерет, и будет тебе божья помощь. Я сказала – завтра! – она немного помолчала. – Вместе пойдем, а то знаю я тебя, девчонку неразумную.

Сестра София, которой давно уже перевалило за шестьдесят, при этих словах густо покраснела. Настя хихикнула.

– А тебе все веселье, как я погляжу? – матушка Василиса недобро сощурилась. – А ну, марш в погреб картошку перебирать!

Вот так Настя и оказалась в этом подземелье...

Она посмотрела на полную корзину картошки, со стариковским кряхтением встала, пересыпала содержимое корзины в мешок. Надо меньше думать и больше работать, а то так ведь и до первой росы можно не успеть. Наручные часы показывали одиннадцать вечера, а работы еще непочатый край. Значит, с надеждой на то, что удастся поспать хотя бы часов пять, при-

дется проститься. Матушка Василиса разбудит с первыми петухами, а петухи в этой глуши, так же как и сестра София, страдают бессонницей...

Где-то вверху, над головой слышались торопливые шаги, люк, ведущий в погреб, с грохотом откинулся, по хлипкой приставной лестнице проворно спустилась матушка Василиса. Выглядела она настолько необычно, что на мгновение Настя потеряла дар речи. Матушка Василиса всегда радела за строгость и аккуратность в одежде, Насте каждый божий день пеняла за джинсы и бесстыдно выбивающиеся из-под платка волосы. А как же в тайге без штанов, в одной только юбке?! Комары загрызут! Вот Насте и приходилось хитрить: под длинную, до пят, шерстяную юбку, подарок сестры Агнии, надевать джинсы. А сейчас радательница за порядок и благообразие сама выглядела по меньшей мере странно. Седые волосы распущены, сальные пряди свисают на лицо, длинная ночная сорочка перепачкана чем-то черным, в руках холщевая торба, а в глазах безумный блеск. Настя попятилась, зацепилась ногой за корзину, едва не упала в клеть с картошкой.

– Ты здесь! Слава богу! – Матушка Василиса схватила ее за рукав. – Уходить тебе нужно, быстро!

Сверху слышался грохот, кажется, кто-то пытался открыть запертые изнутри ворота сарая.

– Что происходит? – спросила Настя испуганным шепотом.

– Беда! – Монахиня сунула ей в руки торбу, сама бросилась к тому углу, где стояла бочка с квашеной капустой, смахнула керосинку – лампа только чудом не разбилась, – с немалым усилием сдвинула бочку с места, рухнула на колени, принялась шарить в полумраке по земляному полу.

Шум над головой усилился, среди беспорядочных ударов слышались мужские голоса. Мужские?! Настя торопливо перекрестилась.

– Что стоишь?! Помоги мне! – зашипела матушка Василиса и обеими руками вцепилась в торчащее из земляного пола ржавое кольцо. – Тяни!

Настя повесила торбу на плечо, ухватила за кольцо. Очень долго ничего не происходило, только от напряжения потемнело в глазах, а потом, когда силы были уже на исходе, кольцо поддалось – перед ними разверзлась черная дыра, из которой дохнуло холодом и гнилью.

Звуки наверху изменились.

– Дверь рубят, ироды, – прошептала матушка Василиса и схватилась за бок.

Только сейчас Настя поняла, что черное пятно на ее сорочке – это кровь...

– Найдешь в Бирюково старосту Игната Морозова... – монахиня закашлялась, – скажешь, что сестра Василиса велела кланяться, передашь вот это, – она кивнула на торбу. – Еще скажешь...

– Матушка...

– Молчать! – прикрикнула монахиня. – Полезай, это подземный ход...

Сверху слышался грохот...

– Не забудь, старосту звать Игнат Морозов. И вот еще, – она сорвала что-то с шеи, протянула Насте, – вот это береги, девочка! Это тебе поможет...

Ответить Настя ничего не успела – матушка Василиса с силой толкнула ее в зияющую дыру. Она упала на что-то твердое, больно ударилась боком, посмотрела снизу вверх на неяркий круг света. В кругу появилась растрепанная голова монахини:

– Настасья, сюда больше не возвращайся. Иди в Бирюково. Людей сторонись...

Голова исчезла, люк с гулким уханьем захлопнулся, оставляя Настю в кромешной темноте...

...Ну вот и все! Кажись, подошел к концу и ее земной путь.

Сестра Василиса из последних сил навалилась на бочку, задвигая ее на прежнее место. Над головой послышался топот – значит, эти уже в сарае, и времени почти не осталось. Ничего, главное, она успела – Господь смилостивится, удастся и Игнату прощальную весточку послать, и девочку спасти. Девочка чем-то на ту женщину похожа, волосы такие же огненные, только глаза другие, обычные. Правильно она сделала, что медальон Настасье отдала. Та женщина, она же не всегда лютая, она ж к тому, у кого медальон, ласковая. Может, и получится девочке добраться до людей, не пропасть в тайге. А Игнат все поймет и, даст бог, простит за то, что она уже в который раз по-своему все решила...

Взгляд упал на лампу. Соблазн был велик – плеснуть на сорочку керосина, пустить следом огонь... Нет, она не станет, не возьмет грех на душу, останется сильной до самого конца. Уже недолго, скоро Господь смилостивится...

Сестра Василиса упала на колени, зашептала молитву...

Когда люк, ведущий в погреб, открылся, она уже ничего не боялась, она была готова встретиться с тем, кому служила так рьяно большую часть своей грешной жизни...

* * *

...В крошечной тьме легко удариться в панику. Захотелось завывать, заорать в голос. Настя бы и завывала, если бы не инстинкт самосохранения. Инстинкт нашептывал, что шуметь нельзя, потому что если люк откроется, может стать еще хуже. Надо затаиться и переждать, а потом попытаться выбраться из этого земляного мешка.

Земляного? Ой ли?.. Настя пошарила по полу – под рукой была не земля, а самый настоящий камень. Пальцы чувствовали его шероховатую поверхность, местами влажную и склизкую.

Надежда на то, что глаза смогут привыкнуть к темноте и она увидит хоть что-нибудь, не оправдалась. Окружающая тьма была непроглядной, зато почти осязаемой и даже обоняемой. Тьма пахла тленом и гнилью. Только не той понятной гнилью, что в погребе, а чем-то особенно мерзостным.

А еще в темноте были звуки. Звуки доносились откуда-то сверху. Настя ничего не могла слышать, только неразборчивый гул. В голове яркой лампочкой зажглась мысль, первая разумная мысль с того момента, как она оказалась в подземелье. У нее же есть спички! Слава тебе, Господи! Она взяла спички с собой в погреб вместе с керосинкой. Настя принялась лихорадочно шарить по карманам телогрейки. Коробок нашелся, и она едва удержалась от радостного вопля. Огонь хотелось зажечь сейчас же, сию же минуту, даже руки задрожали от нетерпения, но она не стала. Все тот же инстинкт самосохранения убеждал, что зажигать огонь еще рано, надо затаиться и подождать, когда шум над головой стихнет.

Она затаилась: обхватила колени руками, сжалась в комок. От каменных плит тянуло холодом, по сравнению с которым холод в погребе казался просто приятной прохладой. Несмотря на то что данное себе обещание затаиться, Настя встала, сделала осторожный шаг, потом еще один и еще один. Через шесть шагов вытянутые вперед руки уперлись в стену.

Шесть шагов – какая же площадь у этой каменной норы?..

Шум наверху стих. Теперь тишину нарушало лишь гулкое биение ее собственного сердца. Для надежности Настя еще немного подождала и только потом отважилась зажечь спичку. В неровном слабом пламени многого разглядеть не удалось. Только холщевую сумку на каменном полу и рядом – медальон, прощальный подарок матушки Василисы. Настя успела поднять медальон за секунду до того, как огонь больно лизнул пальцы.

Думать о том, что же случилось там, наверху, было страшно, но намного страшнее было думать о том, что ждет ее саму. Настя повесила медальон на шею, зажмурилась, зашептала слова молитвы.

Молитва помогла, руки перестали дрожать, а мысли разбегаться. Так, спичек у нее – коробок. С одной стороны, это много. А с другой – сколько горит одна спичка? Секунд двадцать-тридцать? Надо что-то придумать, найти что-то такое, что горело бы подольше, чем спичка. В голову приходил только один вариант – юбка. Если порвать ее на лоскутки и поджигать их по очереди, то, возможно, удастся хотя бы сориентироваться в этом жутком месте.

Из кармана телогрейки Настя достала складной ножик, подарок сестры Таисии. Ножик был тупой, но для ее целей сгодится и такой. Она надрезала подол юбки, с силой дернула за края – ветхая ткань громко затрещала. Через пару минут кропотливой работы от юбки остались только разнокалиберные лоскутки, которые Настя бережно сложила в торбу. Рука нашарила в торбе не то альбом, не то большую книгу, и в голове сразу же родилась крамольная мысль, что бумага тоже горит, но она прогнала мысль прочь. Сестра Василиса просила передать книгу Игнату Морозову, и было совершенно ясно, что вещь эта значит для нее очень много.

– Только в самом крайнем случае, – сказала Настя шепотом и чиркнула спичкой.

Шерсть занялась не хуже бумаги. Ткань горела быстро, но света от нее было все же побольше, чем от спички. Настя подняла голову вверх и тихо застонала. От мысли, что удастся выбраться из подземелья тем же путем, которым она сюда попала, пришлось отказаться. Люк был слишком высоко, метрах в двух над головой – не допрыгнешь. В слабой надежде, что можно подняться по стене, она потрогала каменную кладку. Ни выбоин, ни выступов, ни сколов – ничего такого, за что можно было бы уцепиться. Настя обошла свою темницу по периметру и уже не застонала, а завывала в голос. Выхода не было – кругом только почерневшие от времени и сырости стены. Она оказалась замурованной в гигантском каменном колодце...

Паника накрыла с головой, в одночасье превратила из цивилизованного человека в обезумевшее от страха животное. В кромешной темноте Настя ползала по холодному полу, обламывала ногти о замшелые камни стен и выла... Она уже не боялась, что сверху кто-то сможет ее услышать, наоборот, желала этого всем сердцем. Пусть услышат, пусть достанут ее отсюда. Что бы ни ждало ее там, наверху, все равно это намного лучше, чем быть заживо погребенной. Настя кричала так, что сорвала голос. Ее никто не услышал...

Истерика лишила последних сил, притупила чувства. Пол в колодце больше не казался таким уж холодным, голова сама склонилась на холщевую торбу.

Ей снилась матушка Василиса. Во сне она выглядела совсем по-другому – моложе, торжественнее и добрее.

– Настасья, не спи, – сказала она строго. – Ты не должна спать, ты должна идти, исполнить мою последнюю волю.

– Куда идти? – прохрипела Настя, во сне у нее, оказывается, тоже был сорван голос. – Это же западня! Отсюда нет выхода!

– Выход есть всегда, – матушка Василиса улыбнулась, – просто, чтобы отыскать его, нужно приложить силу.

– У меня нет больше сил.

– Есть, вставай! – монахиня погладила ее по щеке. Рука ее была холодной и скользкой. Настя закричала...

Она проснулась от собственного не крика даже, а хрипа, схватилась обеими руками за лицо и в ту же секунду вспомнила про спички.

В неровном пламени горящей тряпицы Настя разглядела жабу, точно такую же, как видела в погребе. Жаба таращила на нее выпученные глаза и нервно раздувала защечные мешки. Настя провела пальцем по скользкой, бородавчатой спине. Сейчас жаба не вызывала у нее никакого омерзения. Еще одна живая душа в этом страшном застенке.

Наверное, жаба думала иначе, она издала громкий булькающий звук и отпрыгнула к стене. Тряпица погасла. Когда Настя зажгла следующую, жабы уже не было, зато в стене, почти у самого пола, обнаружилась дыра. Не слишком большая, но просунуть в нее руку можно было

запросто. Из дыры тянуло сыростью, пламя от тряпицы нервно заколебалось. Настя упала на колени, принялась сантиметр за сантиметром обследовать стену.

При ближайшем изучении кладка здесь оказалась не слишком добротной, из швов между камнями, если поскрести ногтем, сыпался песок. А матушка Василиса во сне сказала, что выход есть, надо только приложить силу. Настя нашарила в кармане нож, осторожно просунула лезвие между двумя камнями. Лезвие почти не встретило сопротивления, на пол с тихим шорохом просыпалась горсть песка.

Больше всего сил, времени и бесценного запаса лоскутков ушло на то, чтобы вынуть из кладки самый первый камень, а дальше дело пошло чуть быстрее. Когда Настя закончила с лазом, часы показывали пять утра. Сердце больно сжалось – в это время они с сестрой Таисией уже должны были косить траву для коровы Зорьки, а сестра София с матушкой Василисой собираться в дорогу, увещевать коммунаров.

Чтобы отважиться проползти в дыру в стене, Насте понадобилось все ее мужество: каменный колодец уже был обследован и обжит, а впереди ждала полная неизвестность. И нет никакой гарантии, что из одной ловушки она не попадет в другую.

Неизвестно, сколько бы она просидела перед открывшимся лазом, если бы не жажда. Земляные работы и паника отняли много сил, пить хотелось невыносимо, а из пролома в стене доносился звук капающей воды. Настя решилась. Напоследок проверив, на месте ли весь ее нехитрый скарб, она перекрестилась и нырнула в дыру.

По ту сторону стены был проход, такой узкий, что даже Настя со своими среднестатистическими ста шестьюдесятью сантиметрами больно стукнулась головой о потолок, когда попыталась выпрямиться в полный рост. Ощущение было таким, точно она попала в лисью нору: невидимые в темноте стены давили на психику, вызывая тошнотворные приступы клаустрофобии.

– Ну и что, что нора? – сказала Настя шепотом. – Зато из норы всегда есть выход.

Подземный ход не должен вести далеко. Скорее всего очень скоро она окажется на поверхности, а там – солнце, свежий воздух и открытое пространство.

Эти мысли подстегнули, придали сил. Настя с максимальной в сложившихся обстоятельствах скоростью двинулась вперед. «Максимально быстро» означало не бегом и даже не быстрым шагом. Это означало: осторожными семенящими шажочками, одну руку вытянув вперед, а второй прикрывая лицо, чтобы не удариться о какой-нибудь выступ в неровном потолке. Время от времени приходилось останавливаться, поджигать тряпицу и осматриваться, а потом, пока тряпица еще горела, ускорять шаг и за несколько секунд преодолевать невероятно большое расстояние в пять-десять метров, а дальше снова брести в непроглядной темноте, замирая и обливаясь холодным потом от малейшего шороха, взвизгивая и почти теряя сознание, когда рука или, не приведи господь, лицо попадали в липкую паутину.

Настя шла уже больше часа, а подземный ход, вместо того, чтобы вывести ее наконец на поверхность, вдруг начал приобретать отчетливо ощутимый уклон книзу. Утешало, если это можно назвать утешением, только одно – она пока не обнаружила ни одного бокового ответвления. В подземном лабиринте она бы точно сошла с ума, а так оставалось только идти вперед и молить Бога, чтобы ход поскорее вывел ее хоть куда-нибудь.

Она шла, а с потолка за шиворот начали падать холодные капли, и сапоги ступали теперь не с глухим эхом, а с противным шлепаньем. Вода. Для Насти этот факт означал сразу две вещи. Во-первых, сочащаяся с потолка вода говорила о том, что подземный ход проходит под рекой. В окрестностях скита была только одна речка, слава богу, не слишком широкая и не слишком глубокая. А во-вторых, она наконец смогла утолить жажду.

Метров через пять единичные лужи на полу начали сливаться в один сплошной ручей, и Настя мысленно поблагодарила сестру Агнию за резиновые сапоги. Капель над головой тоже усилилась, и, чтобы не замочить книгу и остатки лоскутков, Настя сунула торбу за пазуху. К

счастью, потоп очень скоро прекратился и намочнуть она не успела, просто сдернула с головы трикотажную шапку, отжала из нее воду, вытерла лицо. Шапку хотела было выбросить, но вовремя передумала, сунула в карман телогрейки.

Чем дальше Настя отходила от реки, тем сильнее становился уклон. Теперь подземный ход однозначно поднимался к поверхности, и этот факт подгонял не хуже, чем страх.

Она плутала по подземелью уже больше четырех часов. В коробке осталось всего пять спичек, и она больше не зажигала огонь, пробиралась исключительно на ощупь.

Еще через час тоннель начал сужаться. Сначала это было почти незаметно, но каждые последующие метры Насте приходилось наклонять голову все ниже. Достаточно было просто раскинуть руки в стороны, как ладони тут же упирались теперь уже не в каменную кладку, а в спрессованную до состояния камня землю.

Очень скоро подземный ход превратился в самый настоящий лаз, и Настя запаниковала. Одна, в непроглядной темноте, под землей... И чем дальше, тем страшнее. Ведь очевидно же, что нет никакого подземного хода. Может, он и был, но со временем обрушился. Или вот-вот обрушится и погребет ее под многотонным пластом земли. Это ж какая страшная смерть, Господи...

Стоило только подумать, что близок конец ее земному существованию, как безропотная покорность судьбе лишила ее остатков сил. Настя уткнулась лицом в ладони и заплакала. На то, чтобы заорать в голос, сил уже не осталось.

...Женский голос она услышала не сразу, сначала даже и не поверила, что это голос, подумала, что начались галлюцинации. Но вместо того, чтобы исчезнуть, голос сделался сильнее. Он, кажется, что-то пел, что-то неразборчивое, грустное.

Способность здраво мыслить, а вместе с ней и силы вернулись к Насте довольно быстро. Если она может слышать голос, значит, его хозяйка где-то близко, где-то на поверхности. Значит, и поверхность уже близко! Что же она лежит?! Нужно ползти!

Она ползла, вгрызаясь ногтями, зубами в твердокаменную землю, в кровь обдирая кожу, открытым ртом жадно вдыхая ставший вдруг свежим воздух. Когда далеко впереди забрезжил слабый свет, Настя уже пробиралась по тоннелю по-пластунски. Измученный и напуганный ночными приключениями мозг сначала принял свет за галлюцинацию. Настя крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза – свет не исчез. Если бы она не сорвала голос, то обязательно заорала бы во все горло от облегчения.

Дошла, доползла! Слава тебе, Господи!

Настя выползла на поверхность, упала в колючую траву и расплакалась. Плакала она недолго – сил не осталось даже на это. Силы осталось только на то, чтобы лежать на спине и смотреть в яркое августовское небо, синееющее в прорехах развесистых кедровых лап.

* * *

Тонкий писк комаров и прочей крылатой нечисти выводил из душевного равновесия почище, чем уже, почитай, трехчасовое сидение в засаде. Егор хлопнул себя по щеке и не без садистского удовольствия констатировал, что одним маленьким кровопийцей на Земле стало меньше.

– Тише ты! – зашипел на него Макар, проводник, егерь и охотничий гуру в одном лице. – Расхлопался тут.

– Так кусаются, гады, – сказал Егор шепотом.

– Кусаются, – проворчал Макар. – А ты рожу кремом намажь, и не будут кусаться.

– Намазал – не помогает, – Егор поерзал на неудобных досках лабаза, чуть не уронил вниз свой «Никон».

– Да не шуми ты! – зашипели на него уже с другой стороны.

На сей раз свое недовольство решил выразить Померанец, Антон Померанцев, закадычный Егоров дружок еще со славных институтских времен.

– А кто шумит? – Егор повесил «Никон» на шею и в который уже раз укорил себя за то, что поперся вслед за Померанцем в этот медвежий угол «на сафари». Можно подумать, настоящих африканских сафари ему было мало! Захотелось идиоту российской экзотики. Специально из Нью-Йорка прилетел, когда узнал, что приятель собирается поохотиться на медведя в сибирской глуши.

А Померанец тоже хорош, еще друг называется. Вместо того чтобы отговорить его от этой авантюры, взял и согласился. Чуток поартачился для проформы, но аргументы его были, мягко говоря, неубедительны. «Ялаев, да на кой хрен тебе эта охота?! Ты же вон даже ружье держать не умеешь, а там дело серьезное, настоящее мужское дело. Медведь-людоед – это тебе не хухры-мухры. Львы и носороги отдыхают».

Вот на это «настоящее мужское дело» Егор и купился. Ну, еще и на медведя-людоеда, само собой. А скажи Померанец, что в тайге обитают комары-мутанты, от укусов которых рожа опухает в три секунды, Егор наверняка бы подумал, нужны ли ему такие страдания. Да и людоед на поверку оказался самым заваливающим медведем. И в самой охоте не было ожидаемой романтики.

Вслед за Макаром, многоопытным в такого рода делах и демонстрирующим свое профессиональное превосходство на каждом шагу, они целый день топали по лесу. Да еще в таком темпе, что Егор, привычный к пешим походам, выдохся уже на полпути и искренне недоумевал, как же они, измученные многокилометровым марафоном, будут гоняться по тайге за медведем?

А оказалось, что гоняться-то не нужно. Оказалось, что Макар все уже устроил самым наилучшим образом, привел их на место, где медведи давно прикормлены и от дармовой жратвы утратили бдительность. Осталось только с максимально возможным комфортом устроиться в замаскированном на краю лесной поляны лабазе и ждать.

С одной стороны, это даже хорошо, дневной марш-бросок вымотал донельзя, а с другой, что ж это за охота такая?! Ни азарта тебе, ни погони! И ноги от неподвижного сидения в лабазе затекли, и комары проклятушие кусают. Утешением могло служить только одно – по пути Егор сделал несколько классных снимков. Не был бы он фоторепортером с мировым именем, если бы не воспользовался подвернувшимся случаем. Глядишь, и перелет из Нью-Йорка удастся окупить. Одна только фотография Макара чего стоит! Что ни говори, а мужик колоритный: коренастый, хмурый, косматый, с будто рубленным топором мужицким лицом и с вселенской тоской в васильковых глазах. А если ко всему вышеописанному добавить еще и соответствующий фон... В общем, в каком-нибудь «ГЕО» или «National geographic» фото с руками оторвут. А может, еще и медведя удастся заснять в самый, так сказать, кульминационный момент...

Помечтать всласть о будущем снимке Егору не удалось – рядом завозился Померанец.

– Да что же это такое?! – застонал Макар. – Вы сговорились, что ли? Или вам, чертям, охота больше не нужна?

– Мне бы по нужде, – Померанец застенчиво поскреб редкую щетину.

– Охотнички хреновы, – Макар в сердцах махнул рукой. – Ну, давай, только побыстрее. Самое время начинается.

Померанец заграбастал карабин, проворно спустился с лабаза на землю.

– А ружье-то тебе зачем? – коротко хохотнул Макар. – Комаров стрелять?

– Не комаров, а медведей, – огрызнулся Померанец.

– Ну-ну, со спущенными портками на медведя – это самое то!

Егор лениво прислушивался к перебранке, но сам в спор не вступал. Опыт многолетнего общения с Померанцем подсказывал, что дело тут вовсе не в естественных потребностях. Просто друг считал себя, да и был – чего уж там! – очень серьезным бизнесменом, и прожить

целый день, не выяснив, как там его бизнес, было выше его сил. Для того, чтобы держать руку на пульсе, он даже захватил с собой в тайгу спутниковый телефон. А примерно двадцать минут назад телефон тихо курлыкнул. Померанец попытался совладать со своими бизнес-инстинктами и звонок проигнорировал, а вот сейчас, видать, не утерпел. Егор пришел к такому выводу, когда заметил, что друг прихватил с собой не только карабин, но и телефон. Поперся, небось, узнавать, что понадобилось на ночь глядя его подчиненным.

Да, нелегкая у приятеля жизнь: серьезный бизнес со всеми вытекающими. Вот ему, Егору Ялаеву, живется не в пример лучше, потому как он никакой не бизнесмен, а свободный художник. И для того, чтобы получить удовлетворение от жизни, ему вовсе не нужен экстрим в виде охоты на медведя.

Конечно, ему повезло – далеко не каждый фоторепортер может попасть в штат журнала «National geographic» и своим маленьким хобби зарабатывать столько, чтобы вполне хватало на достойную жизнь, да еще и оставалось на черный день.

А все началось смешно и даже несерьезно – с конкурса, который проводил в Интернете все тот же «National geographic». Егор, тогда еще собкор заштатной районной газетенки с устрашающим тиражом в десять тысяч экземпляров, выложил свои фотоработы. Он ни на что особо не надеялся, потому как коллеги постарше убедили его, что всюду блат и коррупция, просто решил выпендриться, чтобы потом заливать барышням, что принимал участие аж в международном конкурсе.

В общем, выложил он свои работы, похвастался перед барышнями и думать забыл о конкурсе. А месяца через два на его электронный почтовый адрес пришло письмо из редакции журнала «National geographic», в котором сообщалось, что господин Ялаев занял в конкурсе первое место и приглашается в славный город Нью-Йорк, где будут рассмотрены варианты его трудоустройства, поскольку главной целью конкурса был поиск талантливых фотографов с нестандартным видением мира. В конце письма прилагался список телефонов, по которым господин Ялаев мог связаться с сотрудниками редакции.

Честно говоря, сначала Егор решил, что это чья-то не слишком удачная шутка, но на всякий случай заглянул на сайт журнала. Заглянул, убедился, что письмо – никакая не шутка, а самая настоящая реальность, на радостях напился, на следующий день закономерно опоздал на работу и был с позором уволен за «систематические прогулы». Положа руку на сердце, никакой системы в его прогулах не было. Да и сами прогулы можно было пересчитать по пальцам одной руки. Просто главный редактор, вредная и жутко скандальная бабенка, задумала пристроить на его место своего племянника, вот и ждала подходящего момента. Дождалась, пиранья. Впрочем, Егор особо не печалился. Бывшая патронесса своим волевым решением перерезала единственную ниточку, которая связывала его с малой родиной. Все, теперь, когда он безработный, можно очертя голову бросаться в любую авантюру.

Деньги на авантюру одолжил Померанцев, который к тому времени успел раскрутиться и из всего их институтского выпуска числился самым состоявшимся и перспективным. Хозяин собственной полиграфической компании – это тебе не заметки на злобу дня в малотиражной газете пописывать, это совсем другой масштаб!

Померанцев идею Егора лететь в Штаты не одобрял, потому что считал, что «буржуйские америкосы» станут товарища нещадно эксплуатировать, но денег в долг все-таки дал, и, как только решились все формальности, Егор стартанул в Америку.

Будущее показало, что друг Померанец, описывая тяготы заграничной жизни, очень сильно сгустил краски. В редакции Егора встретили как родного, сильно обрадовались его вполне сноному английскому и сразу же предложили подписать контракт. Егор, ясное дело, насторожился, вспомнил разговоры Померанца про буржуйскую кабалу, но, как только увидел размер своей будущей зарплаты, бросился в кабалу очертя голову.

С того момента, как он поставил свою подпись на договоре, жизнь его раз и навсегда изменилась, и уже спустя год Егор вспоминал работу собкором как страшный сон. К слову, долг Померанцу он вернул уже в следующем месяце, и денег, оставшихся с аванса, еще хватило на то, чтобы снять скромную квартирку и купить обалденную оптику для работы. А потом все как-то закрутилось. Наверное, Егору повезло, и он попал в струю, но теперь в его контрактах стояли суммы, намного большие той, самой первой, и известные журналы мира выстраивались в очередь, чтобы заполучить снимки от Грегори Ялаефф. Вот как!..

Приятные воспоминания спугнул громкий вопль Померанца и выстрелы.

– Твою ж мать! – заорал Макар, спрыгивая с лабаза и на ходу передергивая затвор винтовки.

Егор тоже передернул затвор, только у фотоаппарата, вслед за егерем спрыгнул на землю. Вовремя, кстати, спрыгнул: на полянку с отчаянным ревом вывалилась темная туша. Он нажал на спуск, «Никон» застрекотал, что тот пулемет, а Егор мысленно порадовался, что у него в руках всего лишь фотоаппарат, а не ружье. Потому что, будь у него ружье, он бы обязательно выстрелил в эту тушу, которая при ближайшем рассмотрении оказалась не медведем, а Померанцем. Вот уж точно говорят, что у страха глаза велики. Спутать худощевого, точно жердь, Померанца с хозяином тайги можно было только с очень большого перепугу.

– Чего палишь?! – уже не таясь, во все горло, заорал Макар.

– Так медведь... – проблеял Померанец, дрожащими руками застегивая ремень на штанах.

– Хрен тебе теперь, а не медведь! – Егерь зло сплюнул себе под ноги.

– Я правду говорю! – Друг наконец справился с ремнем, схватил Егора за рукав куртки. – Я его ранил! Побежали, чего стоим?!

– Куда побежали?! Куда?! – взвыл Макар.

– Так за медведем! Он же раненый, далеко не уйдет!

– Так это медведь так орал? – усмехнулся Егор.

– Плохо, что ранил, – поостывший малость Макар уселся на землю.

– Почему плохо? – хором спросили Егор и Померанец.

– Потому что хуже раненого медведя в тайге зверя нет. Ему, небось, от боли и страха башку снесло. Все, конец охоте!

– Как это – конец охоте?! – Померанец, уже оправившийся после недавнего конфуза, встал в позу. – Ты что, Макар?! Я тебе такие бабки заплатил, чтобы ты нас день по лесу гонял, нашей кровушкой бесценной комаров поил, а потом сказал: «Конец охоте»?! Нет, любезный, так дела не делаются. Я тебе заплатил за медведя, а не за экскурсию по тайге. Давай, заряжай ружьишко и погнали!

– Ночью нельзя, – Макар, кажись, прочувствованной речью Померанца впечатлился и сбавил обороты. – Добирать зверя утром будем.

– Что?! Да он до утра уйдет!

– Если ранен, далеко не уйдет. Эх, опасное это дело. Для добора собаки нужны.

– А ты у нас на что? – Померанец похлопал егеря по плечу. – Ты ж у нас следопыт, профессионал! А знаешь что, а давай-ка я тебе еще пятьсот баксов сверху накину, так сказать, вместо собак.

– Семьсот, – проворчал Макар.

– Ну не наглей же ты так! За такие бабки я себе готового медведя могу купить.

– Шестьсот долларов – и выходим на рассвете.

– По рукам!

«Вот тебе и погоня», – со смесью нетерпения и легкого сожаления подумал Егор. С нетерпением все было понятно – не будет никакого убийства из засады, а будет что-то, хотя бы отдаленно похожее на честный бой. Медведь, хоть и подранен, но у него еще есть несколько часов

форы, если проявит смекалку, то запросто может уйти от преследования. Не радовала только одна маленькая, но существенная деталь – проклятуший гнус, от которого широко разрекламированный крем «Тайга» спасал всего на пару часов.

* * *

Лежать, смотреть в небо и ни о чем не думать было хорошо. Настя бы и лежала, если бы опять не проснулся инстинкт самосохранения.

Она оказалась в лесной глуши совсем одна, без компаса, без запасов еды и питья, с пятью спичками и жалкими шерстяными лоскутками. Она совершенно не ориентируется в тайге и понятия не имеет, как далеко увел ее подземный ход от скита и в каком направлении следует искать людские поселения. А голос, тот, что вывел ее из подземелья, оказался галлюцинацией, потому что нету тут ни единой живой души. Вот такая получалась невеселая картина. Получалось, что она попала из огня да в полымя. Стопроцентная горожанка, в лесу она чувствовала себя совсем беспомощной.

Настя встала, осмотрела свою одежду. Телогрейка и джинсы выглядели ужасно: джинсы в грязи, рукав телогрейки порван. Ничего страшного, ей в этой одежде не на танцы идти. Главное, что вещи теплые, и если, не дай бог, придется ночевать в лесу, у нее есть шанс, во-первых, не замерзнуть, потому что августовские ночи уже изрядно холодные, а во-вторых, хоть как-то защититься от мошкар. А еще хорошо, что она не выбросила шапку. Шапка тоже пригодится, надо только ее просушить.

Настя осмотрелась, подобрала с земли кедровую шишку, как могла, счистила с одежды комья налипшей грязи. На отломанную ветку повесила сушиться шапку, выложила перед собой содержимое торбы.

Да, вещей у нее маловато, весь скарб можно пересчитать по пальцам. Во-первых, складной нож. Для защиты от диких зверей он, конечно, не годится, но для добычи пропитания сойдет. Во-вторых, спички. Всего пять штук, каждая на вес золота. В-третьих, лоскутки. Применения им Настя пока не придумала, но на всякий случай бережно свернула и сунула обратно в торбу. В-четвертых, книга матушки Василисы. Честно говоря, Настя рассчитывала увидеть Библию, но перед ней лежала кожаная папка с тесемками. Внутри обнаружился самодельный картографический атлас. Если верить пожелтевшим страницам, выцветшим чернилам и представленной на титульном листе дате, атлас был старый, тысяча девятьсот двадцать девятого года. Настя пожевала сорванную былинку, пролистнула шуршащие страницы с топографическими картами и написанными аккуратным бисерным почерком комментариями. Составителем атласа значился некто И.В. Мыкалов, профессор Томского политехнического института. Странно, зачем матушка Василиса хранила такую мирскую книгу?

При мысли о том, что матушки Василисы и остальных сестер, может быть, уже нет в живых, сердце больно сжалось, но Настя прогнала прочь дурные мысли, сунула папку обратно в торбу. Все, хватит расслаиваться, на часах уже половина двенадцатого. Надо двигаться вперед. Может быть, ей повезет, и она успеет засветло выйти к людям. А еще надо подумать, чем утолить голод, потому что пустой желудок уже давно жалобно подвывает.

Никакой особенный маршрут Настя не выбирала, пошла куда глаза глядят. Через час стало ясно, что голодная смерть ей не грозит. В эту пору в лесу было много ягод. Конечно, ягоды – пища не самая калорийная, зато вкусная и относительно безопасная. Были еще и грибы, их Настя есть не отваживалась, но собирала и складывала в сумку, на черный день.

Ближе к вечеру ей, можно сказать, повезло: возле старой замшелой коряги нашлась пустая консервная банка. С одной стороны, банка и сама по себе была ценной находкой, в ней можно было кипятить и хранить воду. А с другой, она свидетельствовала о том, что лес этот,

хоть и дикий, но людьми все же посещаемый. Появилась робкая надежда, что до обитаемых мест не так и далеко.

Увы, надеждам этим не суждено было сбыться. Часы показывали уже половину девятого вечера, а Настя так и не встретила ни одной живой души. Ну разве что среди деревьев то тут, то там мелькала рыжая лисья шубка да слышалось тревожное тьяканье. Лиса Насте попалась какая-то смелая. Она особо и не таилась, вертелась все время поблизости, далеко не убегала. А может, это и не одна и та же лиса была. Может, это разные лисы. Кто ж их разберет... Было желание подманить лесную гостью, попытаться подружиться. Да только ж лиса – это тебе не собака и даже не кошка. Нужна ей какая-то человеческая девчонка!

Ближе к ночи Настя вышла к лесному ручью, помылась, напилась и решила сделать привал тут же, неподалеку. Лежанку устроила под вывороченным с корнем старым кедром, между кедровыми лапами. Набросала свежих веток, соорудила что-то вроде гнезда. Следующим в плане стояло разведение огня, и к процессу этому следовало подойти с максимальной ответственностью, особенно памятуя, что в коробке осталось всего пять спичек.

Настя справилась, через полчаса неподалеку от ее «лежбища» весело потрескивал небольшой костерок. Правда, спичек осталось всего три. К тому моменту, как она кое-как приспособила над огнем жестянку с водой, на лес опустилась темнота. Вместе с темнотой пришли звуки: шорохи, тихое подвывание, хлопанье крыльев, мерзкий комариный писк и, кажется, лисье тьяканье. По сравнению со случившимся прошлой ночью в подземелье все это казалось не таким уж и страшным. Да, она одна-одинешенька посреди тайги, но у нее есть огонь, который отпугнет диких зверей – во всяком случае, Настя на это очень надеялась, – есть дым от валежника, отгоняющий гнус, есть кипяченая вода и ягоды. А еще она тепло одета. Вот где, оказывается, пригодилась уловка с поддетыми под юбку джинсами. В общем, до утра она как-нибудь продержится. Главное, не засыпать слишком крепко и на забывать подбрасывать веток в огонь, а завтра... завтра, если бог даст, она выйдет к людям. Настя прочитала молитву и почти в то же мгновение провалилась в зыбкий, тревожный сон...

* * *

Утро началось с ругани и сердитого пинка в бок. Егор зевнул, потянулся, расстегнул молнию спальника. Снаружи было по-утреннему свежо и сыро, выбираться из спальника совсем не хотелось.

– Ну, вставайте, охотнички! – зарокотал над головой голос Макара. – Разлеглись тут, понимаешь! А мишка тем временем драпает со всех лап.

– Уже вставать?! – застонал Померанец. – Макар, мы же только четыре часа назад легли.

– Можете и не вставать, оно ж дело хозяйское. Можете поспать до обеда, а потом обратно в Бирюково вернуться, – проворчал Макар.

– А с медведем что? – поинтересовался Егор. – В самом деле Антон его вчера подранил?

– Подранил. Вон все кусты в кровище. Куда ты ему целился, Антон?

– Да никуда я не целился! – Померанец выбрался из своего спальника, зябко поежился. – Я вообще на звук стрелял.

– Он на звук стрелял! – Макар с ожесточением дернул себя за бороду. – А если бы там не медведь был, а я или вон дружок твой? Если бы нам тоже по нужде приспичило?! Тьфу на вас, дурней городских!

– Э-э, подожди, Макар, я же не думал...

– Вот именно, ты не думал! А в таком деле, как охота, сначала нужно думать, а уж потом стрелять! – Егор в сердцах махнул рукой, принялся упаковывать вещи.

Егор выбрался из спальника, успокаивающе похлопал друга по плечу:

– Да ты так не переживай, Померанец. Когда ты из кустов валил, у меня самого руки чесались в тебя очередь выпустить. Так что радуйся, что у меня в руках был не карабин, а фотоаппарат.

– Фотоаппарат, говоришь? – мрачно поинтересовался приятель. – Ну, спасибо.

– Рано радуешься, – Егор злорадно улыбнулся. – Там такие клевые снимки получились: солидный бизнесмен Антон Померанцев в самый кульминационный момент охоты. Волосы дыбом, в одной руке карабин, во второй – спутниковый телефон, портки спущены. Вот я сейчас думаю, в какой бы журналчик пристроить этот китчевый шедевр?

– Ты что, Ялаев?! – Померанец испуганно поддернул штаны. – Только попробуй!

– А может, фотки лучше в Интернет слить? – Егор задумчиво потер подбородок.

– Я тебе солью! Я тебя самого сейчас куда-нибудь солью, папарацци хренов! – Померанец, давясь от смеха, прыгал вокруг Егора, пытаясь дотянуться до фотоаппарата, с которым тот не расставался даже во время сна.

– Да что вы ржете, как жеребцы?! – пресек их возню Макар. – Собирайтесь!

* * *

Настю разбудил холод. Костер, к которому она за ночь так ни разу и не подошла, давно погас. Часы показывали пять утра. Настя свернулась клубочком, попыталась еще немного подремать. Ничего не вышло, утренние холод и сырость не располагали к неге. Она встала, на самые глаза натянула шапку, спустилась к ручью, умылась бодряще прохладной водой. Лиса, старая знакомая, сидела на том берегу, близко-близко у воды. При Настином появлении она коротко твякнула и юркнула обратно в лес. Поздороваться приходила, что ли?

Ей подумалось, что не так уж она и одинока, на душе потеплело, а мысли в голове сделались ясными и решительными. Был соблазн развести костер и вскипятить воды, чтобы согреться изнутри, но после недолгих колебаний от этой идеи пришлось отказаться. Известно, сколько еще ей придется бродить по лесу, а спичек осталось только три штуки. Нет, спички нужно приберечь до ночи, а сейчас остается дожидаться солнца. Днем в лесу не просто тепло, а даже жарко: и сама она успеет согреться, и одежды отсыревшие просушить. И вообще, даст бог, она сегодня выберется из тайги.

Бог не дал. Настя проплутала в лесу еще день, кое-как пережила ночь и утром следующего дня вышла к реке. В коробке к тому времени осталась одна-единственная спичка. Желудок жалобно подвывал от голода и напрочь отказывался от грибов и ягод. Да и силы за два дня блуждания по лесу подходили к концу, а оптимизма заметно поубавилось. Лиса тоже куда-то пропала, целый день мела рыжим хвостом то тут, то там, а теперь вот убежала по каким-то своим лисьим делам...

Если бы не река, Настя бы окончательно упала духом, но река многое меняла. Если идти вдоль берега, то рано или поздно можно будет выйти к людям. Потому что всем известно, что люди предпочитают селиться вблизи рек. Вопрос только – сколько придется идти? Сибирь – это не Центральная Европа, здесь расстояния между населенными пунктами иногда исчисляются даже не десятками, а сотнями километров. Думать об этом Настя себе строго-настрого запретила, решила мыслить исключительно позитивно.

Вот, к примеру, можно есть корневища аира, которого в достатке у берега. Нельзя сказать, что это бог весть какое лакомство, но по вкусу все же отличается от опостылевших ягод и грибов. А еще есть лягушки – какое-никакое, а мясо. Можно наловить лягушек, а потом зажарить их на костре. И нет в этом ничего такого уж ужасного. Вон французы почитают лягушек за деликатес. Решено, она пока никуда не пойдет, отдохнет немножко, поохотится и, если повезет, поест мяса.

Охота на лягушек продолжалась два часа кряду. Нельзя сказать, что за это время Настя так уж сильно отдохнула, зато вымокла – это точно. Улов оказался небогат: всего три квакши, каждая в пол-ладони величиной. Лягушки сидели в жестянке и печально таращились на Настю. Неожиданно она поняла, что еще недостаточно голодна, чтобы убить этих божьих тварей. Ничего страшного не случится, если еще какое-то время она побудет вегетарианкой. Со смесью жалости и облегчения Настя вытряхнула пленниц из консервной банки. В конце концов, если сильно приспичит, есть еще и улитки – по позвоночнику пробежала дрожь отвращения, – кажется, французы их тоже едят.

Оставаться на месте больше не было смысла, и Настя тронулась в путь. Земля рядом с рекой была топкой, а воздух кишел комарами, поэтому она решила слегка углубиться в лес. И вот тут-то ей наконец повезло. Во всяком случае, именно так она сначала подумала.

Первое, что Настя почуяла, был запах. Пахло упоительно: дымом и жареным мясом. Рот тут же наполнился слюной, а желудок вожаденно заурчал. Она едва удержалась от настоячивого желания бежать на запах, вперед, к людям, но здравый смысл и инстинкт самосохранения взяли верх над голодом. Не стоит раньше времени привлекать к себе внимание. Матушка Василиса предупреждала, чтобы в тайге Настя сторонилась людей. Те, кто напал на скит, тоже были люди, и те люди скорее всего совершили что-то очень страшное. Надо затаиться, понаблюдать, а уж потом решать, стоит ли открываться незнакомцам.

Лагерь располагался на дне неглубокого овражка. Настя спряталась в кустах, приготовилась наблюдать. Незнакомцев было трое, судя по экипировке и оружию, охотники. Невысокий широкоплечий мужик, по самые глаза заросший косматой бородой, с сосредоточенным видом чистил ружье. Второй – молодой долговязый мужчина в стильных очках и бейсболке крутил над костром импровизированный вертел, на котором жарилась тушка какого-то некрупного зверя. Третьего Настя как следует рассмотреть не могла, потому что он сидел спиной к ней. Видела только обтянутую охотничьей курткой спину да стянутые в куций хвост светлые волосы. Этот третий мурлыкал что-то себе под нос и выглядел самым беззаботным из всей троицы. Через пару минут долговязый воткнул в жарящуюся тушку нож и сообщил:

– Готово!

Первым с места сорвался белобрысый, небрежно отпихнув ногой незастегнутый рюкзак, принялся в нетерпении пританцовывать у костра.

– Померанец, ну наконец-то! Это ты мне за фотки мстишь, я знаю! Кабанчик, небось, час назад пожарился, а ты нас с Макаром специально мариновал, из вредности.

– Да пошел ты, Ялаев, – беззлобно отозвался долговязый и отрезал от сочащейся жиром тушки большой кусок.

К костру подошел третий, тот, которого белобрысый назвал Макаром, вытер тряпицей перепачканные в смазке руки, уселся на траву перед костром.

Компания увлеклась трапезой, а внимание Насти тем временем переключилось на бесхозный рюкзак. Стараясь не шуметь, она подобралась поближе, так, что стало видно вывалившееся из него добро. А дальше случилось то, что впоследствии она так и не могла себе объяснить. Наверное, бес попутал...

В траве, буквально в двух метрах от кустов, в которых пряталась Настя, лежал пакет с баранками, а она голодная... И не случится же ничего страшного, если она возьмет немного баранок. Две, нет, лучше три штуки. Наверняка у товарищей белобрысого еще есть еда, и от голода они точно не страдают. В голове мгновенно родился план: нужно просто красться за охотниками, держаться на почтительном расстоянии, так, чтобы те ничего не заметили, и рано или поздно они выведут ее к людям.

Мужчины тем временем уничтожали жареное мясо и из-за чего-то тихо переругивались. Все сидели спинами к кустам, момент для осуществления плана был самый подходящий.

...Настю сгубила жадность. До рюкзака она добралась быстро, схватила три баранки, сунула за пазуху. Все, можно было убираться восвояси, но из кармана рюкзака призывно выглядывал тюбик крема от комаров, и Настя не удержалась. Гнус за последние дни вымотал ее почище голода, а тут вот он – крем, торчит из кармана и запросто может «потеряться», особенно принимая во внимание ту небрежность, с которой белобрысый относится к своим вещам. Настя потянула тюбик, и в ту же секунду в рюкзаке что-то оглушительно громко зашелестело...

– Эй, пацан! Ты что это там делаешь? – послышался возмущенный голос...

* * *

Кабанчик был обалденно вкусный. Никакие консервы не сравнятся с настоящим жареным мясом. А Макар морщился и все пенял Померанцу, что кабанчик суховат и жестковат. Недовольство Макара было понятно: они уже двое суток гонялись по тайге за подранным мишкой. Зверь оказался на удивление резвым и изворотливым, от погони уходил мастерски.

Честно говоря, Егор с Померанцем уже давно махнули рукой на призрачную надежду завалить косолапого, но в Макаре вдруг разыгрались охотничьи инстинкты. Он не желал ограничиваться стрельбой по диким кабанам, он жаждал полной сатисфакции, и привал, который устроил измотанный этой сумасшедшей гонкой Померанец, был ему как кость в горле.

Макар как раз бухтел, что запах дыма медведь почует за десять километров, и тогда уж точно конец охоте, когда за их спинами послышался подозрительный шелест. Егор обернулся... и онемел от изумления: в его рюкзаке нагло рылся какой-то пацаненок. И это при том, что, по словам егеря, до ближайшего поселка километры и километры пути. Класс! У них тырит вещи таежный Маугли!

– Эй, пацан! Ты что там делаешь?! – заорал он во все горло и ринулся спасать свое имущество.

Мальчишка не стал дожидаться, пока его заловят с поличным, сразу же дал стрекача. Чтобы догнать воришку, пришлось попотеть, он плутал между деревьями как заяц, и в какой-то момент Егору показалось, что пацан уйдет. Он сделал последний рывок, толчком в спину завалил беглеца, сам рухнул сверху и перевернул негодника с живота на спину – уж больно хотелось посмотреть в наглые воровские глаза.

Мальчишка отбивался отчаянно, но при этом не проронил ни звука. Неожиданно в его руке появился складной нож. Не нож даже, а так, детская игрушка, но эта «игрушка» окончательно вывела Егора из душевного равновесия. Он легонько врезал мальчонке по уху, вывернул руку, отобрал нож и, чтобы тот больше не рыпался, зажал коленями его локти.

А пацан и не собирался рыпаться, пацан расплакался. По злому и не слишком чистому лицу бежали горячие слезы. И глаза он зажмурил так сильно, точно был уверен, что избивание непременно продолжится. В душе колыхнулось что-то вроде жалости, но Егор не дал ей воли, зашипел зло:

– Попался, паразит! Ну-ка, показывай, что натырил!

Когда он попробовал расстегнуть грязную телогрейку, мальчишка дернулся и тоненько взвыл. Сначала на траву упала баранка, потом крем от комаров, а потом Егор присмотрелся и с изумлением понял, что мальчишка вовсе не мальчишка, а совсем даже наоборот. Открытие это потрясло его даже сильнее, чем сам факт воровства.

– Эй, – позвал он почему-то шепотом, – ты баба, что ли?

Ответа не последовало, и, чтобы расставить все точки над «i», Егор сдернул с головы поверженного врага шапку.

– Точно баба, – сказал, растерянно тараща на длинные рыжие волосы. – Офигеть...

– Слезь с меня, – зашипела девчонка. Она больше не жмурилась, она смотрела на Егора со смесью отчаяния и ненависти. Зеленые с крапинками глаза метали молнии.

– Слезу, – пообещал Егор. – Только ты это... смотри, чтобы без глупостей. Лады?
Она молча кивнула.

Егор ослабил хватку, позволил девчонке сесть.

– Ты кто такая? – спросил он, разглядывая порванный рукав телогрейки.

– Никто! – Она торопливо застегнулась.

– Классное у тебя имя, Никто! – Егор усмехнулся.

Девчонка потеряла красную после его оплеухи щеку. Посмотрела исподлобья так, что ему мгновенно стало стыдно за свое совсем не джентльменское поведение.

– ...А это у нас кто такой шустрый?! – К ним подтянулись Макар и Померанец.

Девчонка тут же сжалась в комок, Егор кожей почувствовал ее страх. Ну точно Маугли. Интересно, откуда она такая взялась?

– Глянь, Макар, наш папарацци нимфу поймал, – Померанец расплылся в улыбке. – И откуда ты взялась такая... загадочная? – Он брезгливо покосился на ее грязные джинсы.

Девчонка ничего не ответила, лишь сильнее прижала к животу свою торбу.

– Макар, ты же говорил, что в окрестностях сел нет, – Померанец на необщительность дамы не обратил никакого внимания.

– Говорил. – Егорь нагнулся над девчонкой, поймал ее за подбородок, пристально вгляделся в лицо, покачал головой: – Нет, эта нездешняя, я местных девок всех знаю.

– Так уж и всех? – хмыкнул Егор, которому почему-то страшно не понравилось, что Макар так бесцеремонно лапает его охотничий трофей.

– Всех. – Егорь оставил девчонку в покое, с кряхтением выпрямился. – Говорю – нездешняя она.

– А откуда же тогда взялось это диво дивное? – поинтересовался Померанцев. – Эй, красавица, ты что, язык проглотила?

Девчонка испуганно втянула голову в плечи, но ничего не ответила.

– Ялаев, что она у тебя стырила-то?

– Да ничего она не стырила.

– Ничего?!

– Баранки.

– Баранки?!

– Да, баранки и крем от комаров.

Померанцев присвистнул:

– Кража века, честное слово! А на кой хрен тебе баранки, красавица?

И в этот самый момент Егор понял, на кой хрен ей баранки.

– Эй, ты есть хочешь? – Он легонько тронул девчонку за плечо.

Она не проронила ни звука, но по глазам было видно, что попал он в самое яблочко.

– Ясно, – сказал молчавший до этого Макар, – она коммунарка.

– Кто?! – хором переспросили Егор и Померанец.

– Коммунарка. Тут километрах в тридцати поселение есть для трудной молодежи, – Макар презрительно сплюнул, – для наркоманов, алкоголиков и бывших уголовников. Какой-то деятель из Москвы решил благотворительностью заняться, приволок в здешние места всякую шваль. Спасу от них никакого нет! – он зло посмотрел на девчонку.

– А что она здесь-то делает, за тридцать километров от своей коммуны? – поинтересовался Егор.

– А это ты у нее самой спроси. Я слышал, что там у них порядки строгие, дисциплина и все такое. Вот и драпают, черти. Не хотят перевоспитываться.

Егор присел на корточки перед девчонкой, заглянул в лицо, спросил:

– Так ты и в самом деле коммунарка?

Она молча кивнула.

– И сколько ты уже по тайге шастаешь?

– Пять дней, – наконец заговорила она.

– Пять дней?! Одна, без еды и с вот этой игрушкой?! – он помахал перед самым ее носом ножиком.

Девчонка снова кивнула.

– Заблудилась, небось, дуреха! – встрял Макар. – Это тебе, голуба, тайга, а не городской парк культуры. Тут и на корм зверям пойти недолго. – Странное дело, но тон его заметно смягчился.

– А что ты ела все эти дни? – спросил Егор, вспомнив про злополучные баранки.

– Грибы и ягоды.

– Елки-палки! Вставай, пошли! – Он помог ей подняться. – А что ж ты не подошла, ситуацию не объяснила? Зачем же воровать?

– Я ж тебе говорю – коммунарка, у нее это дело в крови, – проворчал Макар.

Девчонка бросила на егеря быстрый взгляд, но ничего не сказала.

– Ладно, горемычная, – вздохнул он, – пойдем, покушаешь по-человечески. Как звать-то тебя?

– На... – девчонка закашлялась, – Наталья.

– Наталья, значит? – Макар погладил себя по бороде. – Ну что ж, Наталья, считай, что в рубашке родилась. Места тут глухие, плутать можно неделями.

Девчонка испуганно поежилась, посмотрела на Егора, сказала хмуро:

– Нож отдай.

– Женщинам оружие не положено, – усмехнулся он, но нож все-таки вернул. – Да ты не бойся, мы теперь за тобой присмотрим. Вот, если хочешь, возьми баранок погрызи.

– Что ты ей съешь всякую ерунду?! – вмешался Померанец и галантно поклонился: – Мадемуазель, позвольте представиться: я – Антон Померанцев, злой дядька с бородой – Макар, а этот охотник за нимфами – Егор Ялаев. Собственно говоря, все мы тут в некотором роде охотники. Идем по следам медведя-людоеда.

– Да не пугай ты ее! – проворчал Егор. – Девчонка и так, небось, страху натерпелась...

* * *

Мясо было сказочно вкусным, Настя никогда в жизни не ела ничего подобного. Вот если бы еще эти трое не смотрели на нее, как на пещерного человека. Особенно белобрысый, Егор Ялаев. От его взгляда кусок застревал в горле.

Настя умолчала пороссячью ножку и с вожделием поглядывала на мясо, оставшееся на вертеле, когда самый старший, Макар, сказал:

– Не смотри, Наталья, больше не получишь.

– Ты что, Макар?! – возмутился белобрысый. – Еды девчонке пожалел?!

– Не пожалел, дурья твоя башка. Она сейчас нажрется, а потом будет животом маяться. С голодухи надо понемногу есть. Понимаешь? – он посмотрел на Настю.

Та с неохотой кивнула. Будь ее воля, она бы съела все, что осталось на вертеле, но дяденька прав – не стоит рисковать.

– На-ка вот пока чайку сладенького выпей, – Макар протянул ей исходящую паром алюминиевую кружку. Чай, самый настоящий черный чай! Такой, о каком она мечтала вот уже несколько месяцев.

Чай горячей волной опустился в желудок, Настя блаженно зажмурилась. Вот оно, маленькое человеческое счастье. И ведь нужно для него совсем мало: еда, горячий чай и люди. Люди... вот ведь что удивительно: она бежала от людей сознательно и целенаправленно, а сейчас рада им несказанно. Даже мрачному Макару тоже рада. Больше не надо бояться, вздрагивать от

малейшего шороха, спать вполглаза, голодать. Теперь она не одна, и очень скоро охотники выведут ее в Бирюково. Там она найдет сельского старосту, расскажет о том, что случилось в скиту, а дальше пусть разбирается милиция...

Сейчас главное – осторожность. Важно не сболтнуть ничего лишнего, вести себя естественно. Интересно, естественно – это как? За последние четыре года она разучилась быть естественной. И от мужского общества отвыкла.

– А как у вас там, в коммуне? – глаза Антона горели жгучим любопытством. – В самом деле, беспредел творится?

Настя неопределенно пожала плечами.

– Работать, небось, заставляют с утра до ночи? Непосильным трудом дурь из голов выбивают?

– Выбивают. – Она отставила чашку с недопитым чаем, вытянула вперед руки, развернула ладонями кверху, демонстрируя мозоли.

– А ваш босс, оказывается, зверь, – Егор Ялаев неодобрительно покачал головой. – Он вас что, в рудники загонял?

– И без рудников работы хватало. – Развивать эту щекотливую тему не хотелось, но и оставлять вопрос без ответа было никак нельзя, чтобы не вызвать у компании ненужных подозрений.

– Значит, сбежать решила из-за каторжного труда? – Антон в задумчивости жевал веточку, рассматривал Настины ладони.

Она кивнула.

– Я ж говорю, дуреха городская, – вмешался в разговор Макар. – Решила, небось, что по тайге можно вот просто так шастать. Это еще чудо, что жива осталась. Ладно, девонька, – он похлопал Настю по плечу, – не переживай, отмаялась. Мы тебя в Бирюково в целости и сохранности доставим.

– А когда? – не удержалась она от вопроса.

– Когда? – Макар посмотрел сначала на часы, потом на Настю. – Ты как, Наталья, замаялась, наверное, по тайге блуждать?

– Да нет, со мной все в порядке. – Она сделала большой глоток чая.

– Брось, красавица, – отмахнулся Макар. – Нешто я не вижу? Значицца так, останемся здесь на ночь, а поутру выступим.

– Куда? – в один голос спросили Егор и Антон.

– Домой, охотнички, домой.

– А что медведь? – в голосе Антона послышалось разочарование.

– А ничего медведь, – буркнул Макар. – Во-первых, мы и так за ним вдоволь набегались, а во-вторых, баба на охоте – плохая примета, – он бросил хитрый взгляд на притихшую Настю.

– А в-третьих? – спросил Егор.

– А в-третьих, она нашего темпа не выдержит, а косолапый ждать не станет. В общем, не повезло вам, ребята, с трофеем. Вот, вместо медведя девку отловили.

– Так может, девка получше медведя будет? – Егор подмигнул Насте, и она в ту же секунду покраснела.

– Может, и получше, – проворчал Антон, – да только ее шкуру перед камином не положишь.

– Сам виноват! – заступился за Настю Макар. – Кто медведя подранил? Кому в лабазе сидеть невмоготу было?

Теперь покраснел Антон. Или Насте это только показалось?

– Все, мальчишки-девочки, сегодня отдыхаем, а завтра топаем домой, – подытожил егерь. – И без того забрели к черту на рога, сутки будем выбираться.

К огромному Настиному облегчению, мужчины это решение больше обсуждать не стали. Антон раскатал спальник, улегся на него, забросил руки за голову, принялся с сосредоточенным видом изучать плывущие по небу облачка. Егор достал из рюкзака фотоаппарат, разложил на белой тряпице какие-то непонятные детальки. На Настю никто из них больше внимания не обращал. Спасибо тебе, Господи! Сидеть и тупо пялиться на остальных было как-то неудобно, она вопросительно посмотрела на Макара.

– Что, Наталья?

– Давайте я вам помогу.

– Так вроде бы и помогать нечего, – егерь огляделся.

– Посуду помою, хвороста для костра соберу.

– Не нагулялась еще по лесу, непутевая? – сказал он с мягким упреком. – Не надо мне помогать. С дровами сам разберусь. Ты лучше своими делами займись. Хочешь, сходи к реке искупайся. Плавать-то умеешь?

Настя энергично закивала, идея с водными процедурами воодушевила ее несказанно.

– Мне бы мыло, – сказала она с застенчивой улыбкой.

– Хозяйственное тебе сгодится? – Макар достал из рюкзака мыльницу.

Ей, не мывшейся уже больше трех суток, сгодилось бы любое мыло, лишь бы оно пенилось и смывало грязь.

– У меня шампунь есть. – Оказывается, Егор прислушивался к их негромкому разговору. – Шампунь и чистая футболка. Хочешь?

Она хотела: и шампунь, и футболку. От мысли, что очень скоро можно будет почувствовать себя относительно чистой, по позвоночнику пробежала дрожь нетерпения.

– Держи! – Рядом с мыльницей Егор положил одноразовый пакетик шампуня и сложенную вчетверо синюю майку.

– Спасибо, – сказала Настя прочувствованно.

– Для себя берег, – он тряхнул стянутыми в хвост волосами, – но вижу, тебе оно нужнее.

Под его снисходительным взглядом радость от предстоящего купания померкла, захотелось провалиться сквозь землю от стыда. Да, на ней грязная одежда, и голова немыта, но это не дает ему право так на нее смотреть. В тайге нет парикмахерских и химчисток... И вообще, обойдется она и без его шампуня! От хозяйственного мыла волосы, чай, не выпадают.

– Спасибо, оставьте себе. – Она решительно встала, подняла с земли мыльницу, аккуратно переступила через подарки белобрысого.

– Эй, красавица! – позвал Макар. – Вот, на-ка еще, – он протянул ей скатанное в трубочку льняное полотенце, – пригодится.

Настя благодарно улыбнулась, пошла по направлению к речке.

* * *

«Ишь, какая! – подумал Егор раздраженно. – Грязная, немытая и нечесаная, но такая гордая. Дура таежная!»

– Ты чего к девчонке прицепился? – проворчал Макар.

– Я прицепился?! – возмутился он. – Я же, наоборот, помочь хотел.

– Ага, помочь он хотел, а сам морду скривил, точно лимон сожрал. Девка, почитай, неделю по тайге блудила. Что она, по-твоему, должна выглядеть как принцесса после таких-то мучений?! – Макар сердито сплюнул, сказал: – Ладно, я за дровами пошел, а вы тут смотрите...

На что именно они должны смотреть, егерь не уточнил, вероятно, решил, что они с Поме-ранцем не маленькие, сами разберутся. Егор проводил Макара долгим взглядом, подобрал с земли шампунь и футболку, сунул обратно в рюкзак. Принцесса, понимаешь ли! Ей чистая одежда и шампунь без надобности, ей грязной ходить привычнее.

За спиной смачно зевнул Померанец, сказал радостно:

– Эх, хорошо!

– Что хорошего-то? – Егор злился и сам не мог понять причину своей злости.

– Хорошо, что охоту отменили.

Егор длинно присвистнул:

– Померанец, а как же трофей? Медвежья шкура у камина?

Приятель поскреб искусанную комарами щеку, философски заметил:

– Медвежья шкура – вещь, конечно, хорошая, да только мне собственная шкура дорога. Надоела мне эта охота хуже горькой редьки. И вообще, у меня бизнес, – он помахал телефоном.

– Надо же, какие мы деловые, – проворчал Егор, – без спутникового телефона даже в сортир не ходим.

– Ялаев, ты что? – Померанец привстал на локте, посмотрел удивленно. – Это из-за капризов нашей новой подружки?

– Отвали! – Егор повесил на шею фотоаппарат.

– Так ты не переживай, отнеси ей свои подарки, объясни, что дурного и в мыслях не имел, – друг хитро сощурился.

– Так я и не имел! На кой хрен мне трудные подростки и бывшие уголовницы?! Да еще такие грязные.

– А если ее отмыть?

– Да ну ее! Пойду лучше сам искупаюсь.

– Тоже вариант. Иди искупайся, остынь, а то у тебя пар вон скоро из ушей пойдет, – Померанец рухнул на спину, закрыл глаза. – А я посплю, пока вы там купаться будете.

Егор хотел было вступить в прения, но передумал. Померанца не переделать, а искупаться и в самом деле не помешает. Вон жарница какая. Он достал из рюкзака шампунь, сунул в карман джинсов, следом запихнул мыло – между прочим, туалетное, а не какое-то там хозяйственное, – зажал под мышкой свернутую в рулон футболку, потопал к реке.

Не то чтобы он специально выискивал место, которое решила облюбовать девчонка, он даже не знал, в какую сторону она направилась, просто так получилось, что ему приглянулась именно эта заводь. А девчонку он увидел уже потом...

Ну нельзя же так, без предупреждения, превращаться из кикиморы болотной в сказочную русалку!.. Егор видел только спину – напряженный позвоночник, тонкую талию, ямочки на пояснице, – но и этого хватило, при его-то буйной фантазии. Русалка, как есть русалка...

И ведь антураж какой потрясающий: вода черная, то ли сама по себе такая, то ли из-за какой-то речной аномалии, небо синее-синее, а девчонкина кожа белая как алебастр! Просто удивительно, какой цвет ровный, никакого тебе плебейского загара, никаких следов от купальника. Русалка, черт побери! Руки сами, помимо воли, потянулись к фотоаппарату. Нельзя упустить такой кадр!

Егор успел сделать несколько кадров, так сказать, с тыла, когда девчонка нырнула. Вошла в воду грациозно, без шума и всплеска. Егор приготовился увидеть самый настоящий русалочий хвост, а увидел длинные ноги, ну и все, что повыше ног... Дыхание перехватило, но сделать пару кадров он все-таки успел. Не был бы он профессионалом, если бы его было так просто выбить из седла стройными ногами и всем остальным. Но, что ни говори, а мужик в нем очень сильно потеснил профессионала. Мужик с юношеским томлением ждал, когда же она наконец вынырнет.

Вынырнула, да так близко к берегу, что ближе уже некуда. Выпрямилась в полный рост, отбросила назад мокрые волосы, запрокинула лицо к небу. Красотища! Афродита пеннорожденная! Шея, ключицы, грудь, живот – девушки «Плейбоя» нервно грызут ногти в сторонке. И красота ведь какая дикая, необузданная – с ума сойти! Верный «Никон» защелкал, превращая

красоту природную в красоту оцифрованную. Да если еще удастся заснять веер брызг, разлетающийся от мокрых волос...

Додумать эту мысль до конца Егор не успел: девчонка его заметила, взвизгнула, плюхнулась обратно в воду и из «пеннорожденной» Афродиты мгновенно превратилась в самую обычную женщину.

Так иногда бывает. Егор знал, что существуют люди, которых любит фотокамера. Вот, кажется, человек неинтересный, ничего особенного собой не представляющий, а попади такой человек в кадр – и выясняются удивительные вещи. Выясняется, что у него необыкновенное лицо и очень любопытная фактура, что на снимке он выглядит просто роскошно. Чаще всего почему-то такие метаморфозы происходят с женщинами. Вот как сейчас...

– Что тебе нужно?! – Девчонка отплыла подальше от берега, теперь из воды торчала только ее голова.

– Мне ничего. – Егор уселся на бережку, разложил рядом свой помывочный инвентарь. – Я вот тебе шампунь и мыло принес. Не хозяйственное, между прочим, а самое что ни на есть туалетное.

– Ты подсматривал! – От ее злости и, кажется, испуга по воде пошла мелкая рябь.

– Я не подсматривал, – соврал он.

– Подсматривал! А еще фотографировал, – девчонка едва не плакала.

– Фотографировал, – он безмятежно улыбнулся. – Я фотокорреспондент, у меня работа такая – фотографировать.

– Отдай! – потребовала она и подплыла чуть ближе.

– Что отдать?

– Пленку.

– Пленку?! – Егор расхохотался. – Девочка, ты что? Какая пленка?! Это же цифровой фотоаппарат!

– Тогда отдай фотоаппарат!

– Что?! А не слишком ли жирно, раздавать камеры за тысячу баксов? Не выйдет, русалка.

Она сердито всплеснула руками по воде, сказала чуть слышно:

– Извращенец проклятый.

– И никакой я не извращенец. – Егору даже стало немного обидно. – Я фотохудожник. Лучше скажи, нужен тебе шампунь и мыло или я зря старался?

– Убирайся!

Егор только сейчас сообразил, что вода в реке холодная и девчонка наверняка мерзнет. Еще сляжет с воспалением легких, тащи ее потом в Бирюково на себе!

– Знаешь что, – сказал он миролюбиво, – давай я оставлю тебе футболку и мыльные принадлежности, а сам уйду. Ну, подумай, вымоешься по-человечески, наденешь чистую одежду. А свое барахлишко, кстати, сможешь простирнуть. До следующего утра оно как раз успеет высохнуть.

Девчонка подплыла поближе, спросила с надеждой в голосе:

– А снимки?

– Да ладно, сотру я эти снимки, не переживай. Выходи давай, а то посинела уже вся от холода.

– Только ты уйди. – Кажется, здравый смысл наконец победил гордость.

– Уйду, – пообещал он.

– А как я узнаю, что ты в самом деле ушел? – спросила она подозрительно.

– Как? – Егор поскреб изрядно отросшую щетину. – А давай я петь буду? Ты по звуку определишь, что я ухожу. Идет?

– Начинай, – сказала девчонка после недолгих раздумий.

– Что начинать?

– Петь.

– Ну, сама напросилась! – Егор на мгновение задумался. Ему вдруг показалось важным спеть не банальную попсу, а что-нибудь значительное, подходящее случаю. На ум приходили только оперные арии, но арии – это, пожалуй, слишком значительно.

– Что петь-то? – спросил он.

– Господи! Что хочешь, то и пой, только быстрее!

Вот! Нашел кое-что подходящее! Егор бросил прощальный взгляд на девчонку, развернулся спиной к реке и запел:

– Когда я на почте служил ямщиком, ко мне постучался косматый геолог...

Пронзительная и беспшашная песенка «Агаты Кристи» подходила к моменту как нельзя лучше. И про тайгу опять же...

* * *

Настя замерзла так сильно, что зуб на зуб не попадал. Задержись Егор еще хоть на пару минут – она, ей-богу, плюнула бы на приличия и вышла на берег. А что тут такого? Он и так уже все видел, вуайерист бессовестный! Надо будет обязательно проследить, чтобы он стер ее снимки...

Егор запел, да не что-нибудь, а одну из некогда горячо ею любимых песен.

...Облака в небо спрятались,
Звезды пьяные смотрят вниз,
И в дебри сказочной тайги
Падают они!¹

Фальшивил он ужасно, но Настя помимо воли улыбнулась.

Все, хватит сидеть в воде, а то ведь так и заболеть недолго. Она внимательно огляделась по сторонам – мало ли что, вдруг тут поблизости еще какой-нибудь фотохудожник притаился! – но ничего подозрительного не заметила, подплыла к берегу, взяла оставленный Егором шампунь.

На то, чтобы вымыть волосы и вымыться самой, у нее ушло всего пару минут: холод пробирал до костей, и оставаться в воде не хотелось ни одной лишней секунды. Вымывшись, Настя выбралась на берег, торопливо завернулась в полотенце Макара. Полотенце было большим, но от долгого использования – тонким и почти невесомым. Оно пахло дымом и с виду было совершенно чистым. Красота!

Прежде чем надеть майку Егора, Настя немного поколебалась – вот не хотелось ей быть обязанной этому белобрысому нахалу. Но он был прав, когда говорил, что это позволит ей привести в порядок собственные вещи. Майка была ей велика, но по сравнению с пережитыми неприятностями это казалось сущим пустяком. После водных процедур она словно заново родилась. И волосы пахли так приятно!

А песня про тайгу к тому времени стихла: то ли Егор устал орать на весь лес, то ли ушел далеко. Впрочем, теперь ей, слава богу, уже все равно. Она одета, более-менее отмыта, и в приличном обществе ей появляться не стыдно. Сейчас ее главная задача – заставить Егора уничтожить ту мерзость, которую он наснимал своим фотоаппаратом за тысячу долларов.

На стоянке было тихо и спокойно. Антон спал, с головой спрятавшись в спальник от доставучих комаров, Макара нигде не было видно, а Егор возился со своим чудо-фотоаппаратом.

¹ «Сказочная тайга» – песня группы «Агата Кристи».

– Спасибо, – Настя присела рядом, положила на землю мыло и начатый пакетик шампуня.
– Не за что, – он даже не глянул в ее сторону.
– Стирай, – сказала она решительно.
– Что стирать? – Егор оторвался от своего занятия, посмотрел на нее со смесью удивления и раздражения.

– Стирай то, что наснимал. – Настя почувствовала, что краснеет.
– Так уже стер, – он взмахнул аппаратом. – Вот, посмотри сама. Видишь, что здесь написано?

Настя посмотрела – на небольшом черном экране высветилась надпись «карта памяти пуста».

– Точно пуста? – на всякий случай уточнила она.
– Одуреть! – Егор встал. Настя подумала, что ему надоели препирательства и он сейчас уйдет, а он навел на нее фотоаппарат и велел:

– А ну-ка улыбнись, Лисичка-сестричка!
– Что?
– Ничего, – в фотоаппарате что-то щелкнуло, и Егор удовлетворенно кивнул. – Готово! Вот, смотри, что получилось.

Получилось ужасно! Неужели она так плохо выглядит? Лицо худющее, под глазами темные круги, кожа в комариных укусах, и выражение лица, как у слабоумного ребенка: удивленное и испуганное одновременно.

– Красотища! – Егор удовлетворенно поцокал языком, – фактурно и неоднозначно. Да, неоднозначно – это точно. Настолько неоднозначно, что хоть плачь.
– Сотри, – потребовала Настя.
– Что, и это стирать?! – возмутился он. – Ты ж тут вроде как в одежде.
– Все равно стирай! – она потянулась за фотоаппаратом.
– Э, куда?! – Егор отступил на шаг. – Попрошу без рук. Вот, смотри – стираю, – он нажал на какую-то кнопку, и экран, на котором еще пару секунд назад красовалась перепуганная Настина физиономия, погас.

– Все? – спросила она шепотом.
– Все. Ты же сама видела. Ладно, не приставай ко мне, у меня еще дел полным-полно.
Каких таких дел было полно у Егора Ялаева, Настя уточнять не стала, просто многозначительно хмыкнула и отошла в сторонку. У нее и своих собственных дел полно. Вот надо мокрую рубашку развесить сушиться, пока еще солнце не зашло. Лучше бы, наверное, было просушить одежду у костра, но пока она купалась, костер загасили. Ничего, ветер сейчас сильный, на таком ветру все быстро высохнет.

* * *

Девчонка-найденыйш была какой-то странной, точно с Луны свалилась. Цифровой фотоаппарат – для нее диво дивное, и мужиков стесняется, как выпускница института благородных девиц. Ощущение такое, точно прогресс шагнул далеко вперед, а эта дуреха так и осталась стоять на обочине. Любопытно, что она делала в коммуне, за какие такие провинности оказалась в этом медвежьем углу? На малолетнюю преступницу она не тянет, может, бывшая наркоманка?

А что?! Переломалась, избавилась от пагубного пристрастия и решила, что хватит горбатиться на чужого дядю, да и дала стрекача. Только мозгов не хватило по уму все сделать, вот и проболталась в тайге почти неделю.

Егор представил себя на ее месте и поежился от первобытного, почти животного страха. А продержался бы он сам, вот так, как эта дурочка, пять дней в лесу без еды, компаса и оружия? Внутренний голос подсказывал, что если бы и продержался, то медвежьей болезнью заработал

бы стопудово. Ночью в этой чаще даже с огнем, даже в обществе бывшего Макара страшно не на шутку. Шорохи там всякие, подвывания...

Кстати, что-то Макара давно нет, надо бы пойти, посмотреть. Егор встал, направился вверх по склону оврага. Словно в ответ на его мысли в лесу раздался выстрел и крик. Макар? Точно Макар! Может, зверя какого подстрелил? Только не понятно, чего он так орет.

Крик повторился. Теперь в нем отчетливо слышалась боль.

– Ялаев, что это?! – Померанец, помятый спросонья, растерянно вертел головой.

Девчонка тихо ойкнула, испуганно прижала к животу свою торбу, с которой не расставалась даже на речке.

– Сейчас посмотрю, – Егор включил фотоаппарат – старая профессиональная привычка.

– Не надо! – заорала она.

– Тихо! – рывкнул Егор и шепотом добавил: – И без тебя страшно.

Рассмотреть он толком ничего не успел: затрещал валежник, кусты заходили ходуном...

...От медвежьих когтей Егора спасло чудо: в тот самый момент, когда зверь ринулся из кустов, Егорова нога зацепилась за корягу, и он кубарем скатился вниз. Падение остановило дерево: хилая березка с искореженным стволом изогнулась от удара, но выдержала. Егор взвыл.

Какое-то время от боли в спине он ничего не соображал. Кажется, даже ослеп и оглох. А потом в уши ворвался вопль Померанца, заглушаемый свирепым медвежьим рыком. В носшибанул запах свалившейся шерсти, крови и еще чего-то смрадного, не поддающегося идентификации. Последним вернулось зрение. Лучше бы не возвращалось...

Над Егором нависла бурая косматая морда. Медведь собирался напасть. В черных глазах плескалась боль и лютая ненависть. С огромных желтых клыков падала кровавая пена. Встретившись с медведем взглядом, Егор понял – все, это конец...

Он зажмурился: смотреть в глаза собственной смерти не хватало духу. Пальцы нащупали фотоаппарат, нажали на спуск. Он не может посмотреть в глаза собственной смерти, зато он может ее сфотографировать. Классный должен получиться снимок...

Затвор аппарата оглушительно щелкнул, и сразу же вслед за ним послышался еще один щелчок. Или не щелчок, а выстрел? Еще через мгновение на Егора навалилась огромная туша. Он едва не задохнулся под ее тяжестью. А береза не выдержала, с жалобным треском сломалась.

Забыв о боли в спине, подвывая от напряжения, отплеываясь от вонючей и жесткой, как проволока, шерсти, Егор выбрался из-под придавившего его мертвого медведя и только после этого, еще до конца не веря в свое чудесное спасение, отважился открыть глаза.

Открыл и тут же зажмурился. Окружающий мир сделался неестественно ярким, точно его пропустили через фотошоп и по максимуму добавили красок. Синее небо такое пронзительное, что больно смотреть. Листочки на несчастной березке, словно вырезанные из зеленой бумаги. Запутавшаяся между тонкими веточками серебряная паутинка, и мертвый зверь у самых его ног, темно-бурый, почти черный, кое-где с серыми подпалинами, с рваной раной в косматом боку. В ране – кровь, какая-то нереальная, киношная, больше похожая на малиновое варенье, чем на настоящую кровь...

Кажется, Егор рассматривал мертвого зверя целую вечность. Прижимал руку к груди, там, где бестолково трепыхалось сердце, и не сводил взгляда с оскаленной медвежьей морды. В черных глазах больше не было ненависти, за поволокой смерти чудилась обида...

– Ну, Ялаев! Ну ты, брат, даешь! – На плечо опустилась горячая ладонь.

Он с трудом оторвал взгляд от медведя, обернулся к Померанцу. Друг казался испуганным и потерянным. Наверное, он и сам сейчас выглядит не лучше.

– Что это было? – прохрипел Егор и сам удивился, как странно звучит голос, точно это и не его голос вовсе.

– Это? – носком ботинка Померанец опасливо ткнул зверя в бок. – Это, кажись, наш мишка, – он неуверенно улыбнулся.

– Как ты его завалил? – Егор проникся к другу уважением, граничащим с благоговением.

– Я?! – переспросил Померанец и попятился, словно открешиваясь от приписываемого ему подвига. – Да ты что, Ялаев?! Да я с перепугу чуть не обделался. Ты бы видел, с какой скоростью эта тварь двигалась!

– Тогда кто?

– Я не знаю...

Они синхронно обернулись, посмотрели на девчонку. Та испуганно застыла у потухшего костра, у ее ног лежал карабин Померанца.

– Она?! – Егор перевел недоверчивый взгляд с девчонки на друга.

Тот растерянно пожал плечами.

– Это ты стреляла? – спросили они хором.

Девчонка шмыгнула носом, попятилась. Ощущение было такое, точно она снова собирается дать деру.

– Ты? – повторил Егор и сделал шаг к костру.

– Я нечаянно, – она спрятала руки за спину, как подросток, пойманный родителями с косяком. – Извините.

Извините?! Она только что спасла его от верной смерти и извиняется! Во дела!

– Эй, – как же ее зовут? – Эй, Наташа, – Егор сделал еще один шаг, – ты только это, не вздумай убежать. Лады?

Она молча кивнула.

– Вот и умница, – он бросил взгляд на мертвого медведя, по позвоночнику пробежала нервная дрожь. Эта рыжая Лисичка-сестричка нечаянно завалила такую громадину. С одного выстрела... из карабина, до такой степени навороченного, что его и в руки взять страшно... А ведь могла и промахнуться...

О том, что случилось бы, ошибись девчонка хоть на пару сантиметров, думать было страшно. Вариантов немного. Либо она попала бы в него, что, учитывая то мизерное расстояние, отделявшее его от зверя, было вполне вероятно. Либо промахнулась. Либо не убила бы мишку, а лишь подранила. В любом случае концовка была бы одна и та же – трагическая. Но девчонка, слава тебе, Господи, не промахнулась и спасла ему жизнь. Жив! Счастье-то какое! Пусть все тело болит так, словно его били батогами, но ведь болит! А могло и не болеть...

В общем, то, что Лисичка-сестричка очутилась в его, Егора, объятиях, получилось как-то само собой, совершенно от него независимо. Осознание того, что он жив, и энергия, порожденная этим осознанием, требовали немедленного выхода. Хотелось буянить и демонстрировать ближним свое расположение. А кому демонстрировать? Не к Померанцу же лезть с объятиями и поцелуями! Да и не Померанец его спас, а вот эта... Лисичка.

Девчонка повела себя странно, так, словно объятия его ей страшнее, чем медведь-людоед, принялась вырываться и изворачиваться. Егору только и удалось, что чмокнуть ее в щеку, а потом она выскользнула у него из рук, точно рыбешка или русалка, отпрыгнула на приличное расстояние, словно щитом прикрылась своей допотопной сумкой. Вот тебе и коммунарка! А Макар рассказывал, что в коммуне девки все бедовые, на всякие непотребства скорые. А эта, видать, праведница, от мужских объятий шарахается, как черт от ладана.

Макар! Елки зеленые...

Егор моментально забыл и про девчонку, и про медведя, и про свое счастливое спасение, обернулся к Померанцу. Друг сидел перед мертвым зверем и задумчиво жевал травинку. Вид у него был непривычно сосредоточенный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.